

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

*Предчувствие
беды*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Предчувствие беды

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Предчувствие беды / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Убит не просто новый русский, но – человек, ухитрившийся внести новый смысл в само понятие «афера общероссийского масштаба». Человек, сделавший огромные деньги на мошенничестве, гениальном и по замыслу, и по исполнению. Совершенно очевидно, что «заказчик» преступления – один из подставленных им членов правления фирмы. Но... подозреваемые начинают гибнуть один за другим – причем при более чем странных обстоятельствах! Александр Турецкий, которому поручено расследование этого не просто запуганного, но поистине абсурдного дела, постепенно понимает – все гораздо сложнее, чем кажется. Слишком уж холодная логика просматривается в череде случайностей...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1. ПРЕДВКУШЕНИЕ ПРАЗДНИКА	5
Глава 2. ПОХИЩЕНИЕ	15
Глава 3. РАСКОЛОТЫЙ МИР	20
Глава 4. БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ	27
Глава 5. КРОШКА ЦАХЕС	33
Глава 6. МОЗГОВОЙ ШТУРМ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фридрих Евсеевич Незнанский

Предчувствие беды

Глава 1. ПРЕДВКУШЕНИЕ ПРАЗДНИКА

Турецкий возлежал на нагретом жарким южным солнцем плоском камне, чувствуя себя римским патрицием, предающимся неге и безделью, – чувство для государственного советника юстиции редкое, почти невозможное. Вокруг, за невысокими остроконечными глыбами, виднелись такие же плоские камни – прибежище влюбленных парочек или целых компаний праздной, отдыхающей публики.

А все Ирина Генриховна! Законная жена, насмотревшись на измученное, с потускневшими глазами лицо мужа, на пепельницы, полные окурков, наслушавшись вечерних телефонных «разборов полетов» с Грязновым, Сашино нервного бормотания по ночам, утренних побудок Меркулова – Костя обожал начинать рабочий день «важняка» прямо в его супружеской постели, – насмотревшись и наслушавшись, Ирина в один августовский день хлопнула по столу музыкальными пальчиками и произнесла:

– Все, Турецкий, так дальше жить нельзя.

– А как можно? – спросил угрюмый муж, апатично пережевывая яичницу.

– Ты же весь замученный, зомбированный, зачумленный...

«...затраханый», – едва не закончил за жену Александр. Разумеется, Ирина Генриховна таких слов не только не употребляла, но и слышать не могла. Речь ее была вполне литературна, но от этого не менее убедительна.

– ...индивид, – закончила жена.

И тут же с жаром продолжила:

– Ты ведь уже и не человек даже, а скопище молекул ДНК, измененных направленным мутагенезом, с приданием объекту воздействия строго очерченных деловых навыков и эмоционально скудных характеристик.

– Как-как? – Саша окончательно проснулся и вытаращился на музработника, проживающего по одному с ним адресу. – Ты откуда таких слов набралась?

– Из учебника биологии твоей дочери. Вчера им учебники выдали. Я и зачиталась.

– Это в третьем-то классе Нинку такими ужасами собираются пичкать?

– Это еще цветочки. Учительница литературы, например, собирается пичкать их Овидием. И приобщить к творчеству Баркова.

– Что-о-о?!

– Это на будущий год, – успокоила жена.

– Это все ты, Ирка! Это тебе приспичило запихать ребенка в супергимназию. Училась бы в нормальной школе...

– Ладно, не нужно изображать из себя суперзаботливого отца, – отрезала Ирина. – То тебя дома сутками не бывает, то вдруг очнешься: как там моя крошка?

– Неправда! Я всегда держу руку на пульсе!

– На чем? – сузила Ирина свои кошачьи глаза.

Турецкий замаялся. И было основание. Время от времени, чего уж греха таить, заводит наш Александр Борисович легкие интрижки на стороне. Ну нравятся ему красивые женщины! Такой вот у организма направленный мутагенез. Против него не попрешь. Правда, обычно он умеет вовремя, легко и элегантно свернуть с тропы любви без взаимных упреков и обид. Но и у старухи бывает прореха – как шутит Семен Семенович Моисеев, гениальный прокурор-криминалист, он же мудрец и юморист, ныне на пенсии.

Короче, последняя Сашина пассия – умопомрачительно красивая и столь же взбалмошная актриса, проходившая свидетельницей по одному из последних громких дел, – неприятно удивилась охлаждению «важняка» после завершения следствия. Казалось бы, уж ей-то, актрисе, чему удивляться? Кому, как не им, актрисам, знать, что режиссер нежит, балует, любит свою героиню, пока не закончена работа над спектаклем, фильмом, рекламным роликом и т. д.?

Нет, оскорбилась. Мало того, пользуясь личным обаянием, раздобыла его домашний телефон и позвонила, дрянная девчонка, Ирине. Дескать, Александр Борисович совсем забыл о театральном искусстве в целом и его отдельных представительницах в частности. Нашла кому жаловаться! Ирина все-таки не мама, а жена. И, по большому счету, единственно любимая женщина. Сообщение пришлось как нельзя кстати, учитывая, что женская половина семейства только что вернулась с Рижского взморья после трехнедельного отдыха. Ирина, конечно, женщина мудрая. Скандала не было, но радости этот звонок ей, разумеется, не принес.

Все эти творческие личности удивительно эгоистичны, непредсказуемы и, в сущности, опасны. Нет, с актрисами нельзя иметь никаких дел, дал себе мысленный зарок Турецкий. И даже головой резко качнул, отменяя от себя легкомысленных и коварных служительниц Мельпомены.

– Что ты, Шурик? – испуганно склонилась к нему жена. – Голова? Сердце?

Она тронула прохладной рукой его лоб. Он прижался губами к длинным, тонким пальцам. Ирина – это Ирина! Ни у кого такой нет!

– Побаливает, – схитрил Александр, боясь, что она уберет руку.

Но она не убрала. Она забралась к нему на колени, обхватила его голову и, перебирая густые выгоревшие пряди, зашептала:

– Шурик! Тебе нужно отдохнуть! Тебе нужно уехать, переключиться, понежиться на солнце...

– Здесь тоже солнца хватает. Вон, асфальт плавится. Это в августе-то!

– Тебе нужен не асфальт, а море! Чтобы поплавать. Плавание успокаивает нервы. Нельзя так безжалостно относиться к своему организму! Он у тебя один. И вообще, он не только твой, но и наш с Ниночкой. Короче, мы тебя отправляем в отпуск, в Севастополь, в санаторий. И попробуй только откажись, я с тобой разведу-у-сь, – пропела она и поцеловала Турецкого чуть ниже уха.

Это уж вообще запрещенный прием! Александр стиснул жену, ища ее губы...

На пороге кухни возникла заспанная дочь.

– Сами уже целуются, а я еще голодная, – пробурчала она, накручивая на палец длинную выющуюся прядь.

– Иди к нам, сокровище! – рассмеялся Александр.

Дочь забралась на освобожденное для нее колено, Саша обхватил свое семейство, чуть покачиваясь, чувствуя себя могучим океанским лайнером с самыми дорогими пассажирами на борту.

– Про что шептались? – поинтересовалась наследница.

– Да вот, я изложила папе наш с тобой план.

– Про Севастополь?

– Да.

– Папка, ты обязательно поезжай, привезешь мне краба, только очень большого, потом, там такие амфорки на кожаном шнурочке продаются, их можно на шее носить, это в Херсонесе, потом, еще...

– Ты откуда знаешь про Херсонес?

– Нам училка по истории рассказывала. Это древнегреческий город. Там все-все сохранилось – улицы, даже театр, представляешь?

– А по литературе как вашу училку зовут? – напрягся Турецкий, которому не понравилось упоминание о театре.

– Лия Евгеньевна.

– И сколько же ей лет, этой вашей Евгеньевне?

– Лет сто, мне кажется. Она вся седая-седая.

– И эта старая?!...!

– Шурка, молчи, я все придумала. И про Овидия, и про Баркова, – рассмеялась Ирина, зажимая его рот ладошкой.

– Зачем? – промычал Турецкий.

– Чтобы тебя позлить. Все, давайте о деле. Ты улетаешь через три дня.

– Остался пустяк – получить «добро» Меркулова. А Костя меня ни за что не отпустит...

– Вот и ошибаешься! Это он инициатор, автор замысла и добытчик путевки. Ты ему так надоел своим замученным видом, что он считает своим долгом отправить тебя хоть на две недели с глаз долой.

– Откуда ты знаешь?

– Мне ли не знать? – рассмеялась Ирина.

– Не верю.

В прихожей зазвенел телефон.

– Это твой Константин Дмитриевич. Иди и удостоверься.

Турецкий исчез и, вернувшись минуту спустя, мрачно изрек:

– О коварная! Это сговор!

Худощавый молодой мужчина сидел за столом небольшой, скромно обставленной комнаты, сосредоточенно разглядывая лежащие перед ним четыре аккуратных сверточка, о чем-то думая. Пальцы правой руки машинально двигались, размеренно и ритмично перебирая нечто невидимое. Пальцы привыкли к четкам и перебирали их в минуты глубокой задумчивости и сосредоточенности независимо от сознания мужчины, даже если четок в руке не было.

Спешить не хотелось, да и было опасно. Он вспомнил, как много раз говаривал им в лагере инструктор-иорданец, что сапер всегда имеет возможность увидеться с Аллахом, достаточно просто поторопиться один раз. Про специальный пластик он слышал, но сам работал с ним впервые, да и модифицированные термовзрыватели были в новинку. Мужчина прошел на кухню, постоял в темноте, не зажигая света, выпил из чайника холодной воды. Закрыл глаза и еще раз все представил мысленно. Вот он крепит взрывчатку в тефлоновый поддон, вот активировывает взрыватель и втыкает его в пластик. Теперь аккуратно закрывает все это пленкой, затем тонкий поролон, чтоб ни одна собака не догадалась о содержимом контейнера, затем фольга.

Неожиданно он понял, что нервничает. Это было забавно. Все вообще складывалось забавно. С первого взгляда можно было подумать, что ему везет. Многие так и думали, полагая, что он счастливчик, обласканный судьбой. Но сам-то он знал, чего стоит это везение и какого труда требует сращивание тоненьких ниточек случая в железные канаты событий и поступков. «Я просто должен взять себя в руки, это все усталость, – думалось ему, – особенно сейчас. Ошибиться нельзя. Так, еще раз прокручиваю все в голове, и пора за работу». Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, задержав дыхание, и вернулся в комнату. Выключил верхний свет, зажег торшер и настольную лампу, проверил шторы, поправил их еще раз.

Работа отняла времени даже меньше, чем он предполагал. Забавно, что мысли при этом витали где-то далеко-далеко и все делалось само собой. Он еще раз придирчивым взглядом посмотрел на два стандартных контейнера. Ничего особенного. С виду как раз похоже на два обычных, самых обычных обеда. Среди сотни подобных, загружаемых в самолет перед отлетом, они и не должны были отличаться. Теперь можно было и расслабиться. На сегодня никаких дел или важных звонков не планировалось.

Мужчина вышел на кухню, включил чайник, закурил, сел и стал смотреть, как дым от сигареты поднимается к потолку. В голове роились мысли, иногда странные. Он подумал о том, что, в сущности, все время занимается тем, что наблюдает и ждет. Потом думает, потом опять наблюдает и ждет. И только очень иногда, редко, буквально на несколько мгновений, особенно если сравнивать с долгими часами ожиданий, он действует. Почти как змея, караулящая у норы жирного суслика. Или нет, лучше как орел или ястреб.

Он вспомнил, как в детстве они с братьями и сестрами ездили в деревню к деду, в горы. Там, за глинобитным сарайчиком с разным домашним хламом, прилепившимся к подножию скалы, был здоровенный камень, метра четыре высотой. Если знать, как на него взобраться, – а он один из всех детей это знал, – то можно было наверху найти небольшую ровную площадку, прикрытую кустом дикого кизила. Настоящий наблюдательный пункт. Его очень забавляло, когда во время игры в прятки все сбивались с ног в поисках Эдика, лежащего сверху и наблюдающего за всем происходящим с холодным любопытством небожителя. Как-то раз, то ли во время какой-то игры, то ли после очередной взбучки, полученной от вспыльчивого и скорого на наказание деда, он лежал в своем убежище и, неожиданно посмотрев наверх, увидел хищную птицу. Он не знал, как она называется, и решил, что это орел. Птица сидела на краю скалы, метрах в пяти над ним, почти неподвижная, только голова странным локатором слегка поворачивалась из стороны в сторону, обзревая окрестности. Так прошло достаточно много времени, уже начало казаться, что ничего не произойдет, и он стал терять к ней интерес, как вдруг птица расправила крылья и бросилась вниз стремительным просвистом в воздухе. И буквально через секунду-другую упала вниз, в траву. Исчезла на какое-то время из виду, потом показалась вновь и стала медленно набирать высоту, сжимая что-то темное и бесформенное в лапах. Птица по широкой спирали поднялась вверх и уселась на то же место с добычей. Осмотревшись, она стала раздирать ее на куски и проглатывать. Закончив трапезу через какое-то время, она опять стала неподвижной, зоркой и полной затаенной угрозы для всех копошащихся в долине зверьков и птиц. Как верховный судья, как неумолимая судьба, как молния. Он потом часто забирался в свое убежище и смотрел через ветви прикрывавшего его кустарника на птицу. Это ежедневно повторяющееся зрелище нисколько не утомляло мальчика: долгое ожидание, бросок, полузадушенный писк в траве, медленный подъем отягощенного добычей охотника, еда, снова долгое, почти бесконечное ожидание. Смесь терпения и стремительности, странное ощущение внутреннего напряжения и внешнего оцепенения одновременно.

Зимой дедушка умер, дом продали, и больше туда, в горы, они не ездили.

...Аэропорт Шереметьево жил своей обычной трудовой жизнью. Взлетали и совершали посадки самолеты; механики готовили в очередные рейсы «стремительные стальные птицы», стоявшие на «запасном пути»; сновали по летному полю тележки с багажом, автобусы с пассажирами; на КПП проверялся въезжающий и выезжающий транспорт. Словом, трудовые будни. Разве что дни стояли непривычно жаркие для второй половины августа.

Вот об этой непривычной жаре и думала в своем уютном кабинетике начальник пищеблока отдела пассажирских перевозок Александра Борисовна Небережная, женщина молодая, аппетитная, с живыми вишневыми глазами и каштановой гривой волос, собранных в аккуратную высокую прическу.

А мысли о погоде были связаны с отпуском, который начинался буквально завтра. Вернее, в понедельник. Правда, сегодня – среда, но на предстоящие два трудовых дня она попросила отгулы. Так что можно считать нынешний день последним рабочим днем.

Дверь кабинета была открыта. Доносились разговоры подчиненных. Там, в фасовочном зале, шла своим чередом комплектация пенопластиковых чемоданчиков, куда женщины-фасовщицы вкладывали обернутые целлофаном кусочки сыра, колбасы, сладкие булочки, пакетики с соком, сахаром, солью, чаем и кофе, упаковки одноразовой посуды – в общем, все то, что так приятно разворачивать, раскрывать, вкушать и алкать все время полета.

На второй ленте конвейера в двухкамерные тefлоновые контейнеры, покрытые плотной фольгой, укладывались куски мяса, птицы или рыбы; соседнее гнездо контейнера заполнялось гарниром. Все это заклеивалось той же фольгой, чтобы бортпроводницы в рейсе лишь разогрели в многоярусных духовых шкафах и раздали пассажирам горячие завтраки или обеды, в зависимости от длительности и классности полета.

В кабинете зазвонил телефон внутренней связи. Звонили с КПП.

– Александра Борисовна? Здесь к вам пришли. Мужчина.

– Ой, Петечка, пропусти его.

– Не положено, вы же знаете.

– Ну Петю-ю-н-я, – промурлыкала Александра, – ну пожалуйста! Это мой брат двоюродный приехал. Должна же я похвастаться своим рабочим местом. Ну пропусти. А я потом тебя поцелую, – добавила она.

Двадцатитрехлетний лейтенант Петенька был равнодушен к пышным формам Небережной, что беззастенчиво использовалось Александрой Борисовной как в служебных, так и в личных целях.

– Ладно, что с вами сделаешь. Первый и последний раз, учтите, – как бы строго ответил лейтенант. – И это... Не забудьте потом...

– Не забуду, зайныка, зацелую тебя до смерти, – шепотком ответила женщина.

Опустив трубку, она кинулась к зеркалу, поправляя прическу, подкрашивая губы, расправляя складки блузки на высокой груди. Ах, дурачок какой этот Петька! Разве он может рассчитывать на ее благосклонность? Впрочем... Иногда... Почему бы нет?

Дело в том, что Александра Борисовна была женщиной темпераментной. Просто жгучего темперамента. Законный муж не выдержал накала страсти. Их развод проходил прямо-таки по анекдоту:

– Иванов, почему вы разводитесь с женой? Она плохая хозяйка?

– Нет.

– Вы не сошлись характерами?

– Нет.

– В чем же дело?

– Да замучила она меня. Все ей давай и давай. Днем два раза, ночью три, утром еще... И все время она еще хочет. А я не железный.

– Иванова, что вы можете на это сказать?

– А что я могу сказать? Я и сейчас хочу.

Александра Борисовна хотела всегда. Обретя свободу, она отдалась любимому занятию с утроенной энергией. Мужчины падали на нее как мухи на мед и столь же стремительно с дистанции спустя два-три месяца знакомства. Кому же понравится чувствовать себя несостоятельным в самом важном мужском деле?

Был, правда, один постоянный поклонник, который прощал ей все, к которому она возвращалась после каждого незадавшегося романа. Но и Глеб последнее время стал злым и нервным. Непонятно почему. То есть, наоборот, понятно.

Как это часто бывает в жизни, счастье свалилось неожиданно-негаданно. Александра Борисовна любила добираться домой, пользуясь услугами частного извоза. И вот две недели назад она опустилась на сиденье замершего возле нее «форда», глянула в глаза сидевшего за рулем мужчины и тут же потеряла голову. Казалось бы, ничего особенного: светловолосый, даже рыжеватый, лет тридцати пяти, худощавое скуластое лицо. Но было в нем что-то такое... Глаза – светло-серые, почти прозрачные – излучали такую властность, уверенность и силу, что у Александры мгновенно сладко заныло под ложечкой от почти осязаемого желания и предвкушения.

Интуиция не обманула ее. Эдик, преуспевающий агент по недвижимости, оказался потрясающим любовником. Когда она думала о том, что находится в брюках Эдика (а она думала об этом постоянно), на память тут же приходил анекдот об английской королеве, навещающей солдат, раненных в бою за империю. Возле одного из раненых королеве сообщают, что вражеская пуля попала бедному юноше в... ну, сами понимаете. «О, какая неприятность! – восклицает королева. – Я надеюсь, кость не задета?»

Было полное впечатление, что Эдик носит в брюках именно кость, которая готова вонзиться в трепещущее лоно Александры в любое время и в любом месте.

Упоительному ощущению полнейшей удовлетворенности и сладкого ожидания следующих встреч мешало только одно – совершенно обезумевший от ревности Глеб, который по тембру ее голоса, звучавшего из телефонной трубки, чувствовал, что она счастлива, что ей так хорошо, как никогда не бывало, что она нашла своего самца.

Глеб замучил ее звонками. Мало того, начал выслеживать, поджидать вечерами возле дома, прячась за дворовыми деревьями. Просто детский сад какой-то. Нужно будет найти минуту, встретиться с ним и расставить точки над соответствующими буквами. Эдику она ничего не рассказывала. Боялась, что он попросту изуверит незадачливого соперника. Да и какой он соперник Эдуарду? Так, зубной врачешка из прошлой жизни.

– А что это у вас здесь? О, как все красиво, как аппетитно! Просто хочется забраться в холодильник вместе с этими замечательными коробочками.

В фасовочной слышался женский смех и сочный баритон Эдуарда. Небрежная выскочила из кабинета. Эдик торчал возле конвейера, вертя в руках контейнер из фольги. Рита Голубева, фасовщица горячих блюд, разомлела под его взглядами и почти растеклась простоквашей по вверенному ей производственному участку.

– Голубева, ты почему не работаешь?

– Ой, Александра Борисовна, это ваш... знакомый? Какой веселый, какой интересный!

– Эдик, пройди в кабинет, а вы поторапливайтесь! Через полчаса смена заканчивается, а холодильники не загружены. Еще пятиминутку нужно провести и под приказом на премии расписаться. – Александре не понравилось внимание подчиненных к объекту страсти.

Женщины принялись укладывать расфасованную пищу в объемистые металлические коробки с металлическими замками на верхней крышке и ручками на боковых поверхностях. Коробы перегружались на тележки, девушки подкатывали тележки к высоким, с человеческий рост, рефрижераторам.

– Аленька, а разве продукты питания не сразу на борт попадают? – удивился Эдик, прослеживая путь нарядных коробочек.

– Ты что? Разве успеешь прямо к рейсу? Первый рейс в семь утра. Мы подготавливаем комплекты продуктов накануне. Ночь в холодильнике простоят, а утром их по бортам развезут.

Она умышленно назвала самолеты «бортами», как это принято среди своих, чтобы произвести на поклонника большее впечатление.

– Аленька, а что же это у тебя женщины выполняют мужскую работу? – укоризненно произнес поклонник, наблюдая погрузочно-разгрузочные работы, осуществляемые двумя парами субтильных девушек.

– Грузчиков нет, – отрезала Александра. – Давайте быстрее! – прикрикнула она на подчиненных.

– Аля, давай я помогу!

Она хотела было отказать. Но Эдик так нежно и в то же время настойчиво повторил:

– Ну что ты? Это я девушек отвлек, я и виноват. Мне и исправлять ситуацию. Да?

Ну что такого, собственно? Перегрузил ящик на тележку, подвез к холодильнику. Работа незамысловатая. В конце концов, они раньше освободятся.

– Ладно, помоги, – размякла Александра.

По проходу шла Светлана Степановна, заместитель и приятельница. В руках ее была пластиковая папка. Женщина помахала ею, крикнув:

– Борисовна, я приказ принесла.

– Так, все ко мне в кабинет! – приказала она.

Подчиненные потянулись следом. Александра вынула из ящика письменного стола лист бумаги.

– Во время моего отпуска обязанности начальника пищеблока возлагаются на Светлану Степановну, – кивнула Небережная в сторону приятельницы. – Теперь по премии. Премия за второй квартал. Немного задержали, паразиты, но все же в ближайшую получку выдадут. Вот, ознакомьтесь, кому какая сумма выписана, и распишитесь. Чтобы без меня никаких дрызг не было. Не толпитесь, по одному.

Женщины вытянулись гуськом возле стола. Александру вдруг что-то неприятно кольнуло. Какое-то беспокойство. Ну да, Эдик там один с продуктами. Вдруг сунет коробку не в тот холодильник, разбирайся потом. Присутствие посторонних лиц в служебных помещениях строго воспрещалось.

Случись что, бабы ее вмиг заложат.

Она вышла в зал. Эдик стоял в противоположном конце, возле рефрижератора, склонившись к одному из коробов. Крышка была открыта.

– Ты что делаешь? – ахнула женщина.

– Ничего, – поднял он к ней абсолютно спокойное, безмятежное лицо. – Крышку плохо закрыли, замки были не защелкнуты. Вот я проверил, не мешает ли что.

Александра подошла к тележке:

– Какой ящик? Этот?

Она внимательно посмотрела внутрь. Покрытые фольгой тефлоновые поддоны стояли ровными, аккуратными рядами.

– И что? Почему не закрыто было? – Она подняла глаза на Эдика.

– Это ты у своих подчиненных спроси, – рассмеялся он. – Да просто бумажка попала в щель.

Он показал ей скомканный клочок.

– Это еще что такое? Откуда? Ну, сейчас я им выдам! Кто паковал двадцать седьмой ящик? Почему замок не защелкнут? – крикнула она в открытую дверь кабинета.

– Да брось ты, Аленька! Девчонки поторопились, всем домой хочется. А тебе не хочется? – страстно проговорил Эдик, резким движением прижал к себе полный стан Небережной, прильнул к губам.

– Я паковала, – совершенно некстати возникла в дверях кабинета подсобная рабочая Наталия Черкесова. – А что? Я закрывала!

– Ничего. Внимательнее нужно быть! – назидательно проговорила Александра Борисовна, которая уже вырвалась из объятий возлюбленного.

Она поправила прическу и как ни в чем не бывало проследовала мимо Наташи в кабинет.

– Ну, все ознакомились? Претензий нет? Расписались? Тогда в зал.

Женщины вышли в фасовочный зал. Укомплектованные коробки стояли возле холодильников...

– Ого, что значит мужская сила и сноровка! – восхитилась Голубева.

Александра Борисовна еще раз проверила и опечатала каждый ящик, повесила бирки с датой и номером рейса.

– Быстренько ящики в холодильники, девочки! И с меня шампанское! – прощбетала Небережная, настроение которой после пылкого поцелуя заметно улучшилось.

– Ну вот и все, – весело провозгласил Эдик, запихивая в рефрижератор последнюю коробку.

Бирка с надписью «23 августа. Рейс 2318 Москва – Ларнака» весело качнулась и исчезла в чреве холодильника.

... – Ты такая строгая начальница! – ласково усмехнулся Эдик, поглаживая ее грудь.

Они раскинулись в широкой постели Александры, отдыхая от сотрясавших их тела несколько минут назад сладостных судорог.

– Зачем ты все-таки напросился ко мне на работу?

– Мне интересно все, что имеет к тебе отношение. Ты такая исключительная женщина, такая страстная, неутомимая, такая... женщина до мозга костей. И ты же – начальница.

– Ну какая я начальница. Десять баб.

– Не скажи. Тот, кто умеет управлять десятью женщинами, сможет командовать ротой мужчин. Вот мне и захотелось посмотреть на тебя в роли ру-ко-во-ди-те-ля, – прогнусавил Эдик.

Александра рассмеялась.

– А что это у вас, традиция такая – каждую трудовую неделю скрашивать шампанским?

– Ну что ты ерунду говоришь? Традиция состоит в том, что шампанское выставляет уходящий в отпуск товарищ. В данном случае начальница. Кстати, как я тебе в роли руководителя?

– О, безумно хороша! Хотелось трахнуть тебя прямо на конвейере.

– Он же движется.

– Это не помеха. Нам ничто не может помешать.

– Это правда!

Александра склонилась к нему, покрывая лицо поцелуями. Он крепко прижал ее.

– Ты отпросилась на два дня, как договорились, да?

– Да, – эхом отозвалась она.

– И поедем ко мне на дачу, да?

– Да.

– А сейчас мне пора.

– Нет, я не отпущу тебя. Побудь со мной еще немного. Пойдем к окну.

Она поднялась, накинула халат, распахнула створки окна, села на подоконник.

Он взял со столика бокал с вином, подошел, прижал женщину к себе.

– Не холодно?

– Нет, хорошо. Мне с тобой так хорошо...

Легкий ночной ветер овеивает ее спину, играет каштановыми прядями волос.

Эдик протягивает ей бокал, она делает глоток, глядя ему прямо в глаза, возвращает бокал.

Он гладит ее плечи, освобождая их от мягкой махровой ткани, склоняется к груди.

Александра стонет, выгибается, подставляя себя его поцелуям. Вот она уже лежит на широком подоконнике, каштановые пряди свисают вниз, вдоль стены дома, капли густого багряного вина падают на ее шею, грудь, живот, и горячий, требовательный язык слизывает их, спускаясь все ниже. Вот она стонет почти жалобно, словно раненый зверь, вот тело ее начинает сотрясаться от бешеных толчков, грива волос колышется, переливается в лунном свете.

Все это отчетливо видно снизу, из глубины двора. Третий этаж, лунная ночь. Все очень хорошо видно и слышно. Слышны ее вздохи, всхлипы, рвущийся из горла крик наслаждения. И обнаженный мужчина, склоняющийся к ней, залепляющий ее рот поцелуем.

...Она проснулась, сладко потянулась ленивой сытой кошкой. Глянула на будильник. Эдик заедет за ней через два часа. Можно еще немного поваляться. Как хорошо! Отдых, отпуск, любимый мужчина, что еще нужно для счастья? В понедельник она уезжает в Житомир, проведать маму. Но до этого предстоит провести четыре счастливых дня... Обещанный Эдиком уикенд на его даче с сауной, рыбалкой и шашлыками, куда он пригласил ее впервые,

наполнял все существо любопытством, будил воображение, рисуя разнообразные сладостные картины.

Вот они вместе в сауне, разомлевшие от зноя и любовных утех; вот они ловят рыбу, охваченные азартом добытчиков; варят уху, жарят шашлыки. Вот они вечером у камина, она – в кресле, он – у ее ног; вот их ночь в спальне на втором этаже, где окна во всю стену, где их разбудит ласковое утреннее солнце и шум залива за оградой коттеджа. Вот они обнаженные возле залива. Раннее утро. Вокруг никого. Поднимающееся солнце и любовь в прохладной воде, на которой должно быть так удобно лежать, раскинув руки, обвивая полными ногами его стройные бедра, чувствуя, как его сильные руки сжимают ее ягодички... Сладкая волна возбуждения прокатилась от промежности вверх. Александра откинулась на подушки, крепко сдвинула бедра, постанывая и извиваясь...

Зазвонил телефон. Господи, неужели с работы? Только бы не сорвались выходные, мысленно взмолилась Александра, поднимая трубку.

– Шура, это я.

Голос Глеба звучал почти спокойно. Но Саша давно научилась разбираться в его оттенках.

– И что? – холодно проронила она.

– Нам нужно поговорить.

– Не сейчас же?

– Почему не сейчас?

– Я занята.

– Чем? У тебя сегодня выходной.

– Послушай, что ты шпионишь за мной? – Александра начала заводится.

– Разве я не имею права?

– А какие у тебя на меня права? Ты мне муж, что ли?

– Я больше чем муж. Вспомни все. Все эти годы. Сколько раз я утешал тебя, отогревал...

– Ну да, да, все это было. Но теперь все по-другому. Я хотела сказать тебе...

– Подожди, не говори. Ты не можешь расстаться со мной вот так, по телефону, словно я ошибся номером, позвонил чужому человеку. Так нельзя, слышишь?

Александра покраснела:

– Хорошо, чего ты хочешь?

– Выйди, спустишься вниз, я возле дома, в машине. В конце концов я имею право на полчаса твоего времени после пяти лет моей преданности, моей любви...

– Ну хорошо, хорошо, я спущусь. Но не больше пятнадцати минут. Я очень благодарна тебе за все, но...

– Я жду тебя, – оборвал ее Глеб. – Если ты не спустишься, я сам поднимусь к тебе и устрою скандал прямо на лестничной площадке.

Он повесил трубку. Александра злобно выругалась, поднялась.

– Совершенно рехнулся мужик. Придется спуститься, а то и вправду дебош учинит, с него станется, – пробормотала она, направляясь в ванную.

«Девятка» стояла в закутке двора, высовываясь вишневым носом в сторону Сашиного подъезда.

Она спустилась вниз в легком домашнем платье и тапочках на босу ногу.

Лицо без макияжа, волосы распущены. Демонстрация пренебрежения, отметил Глеб. Он перегнулся, распахнул перед ней дверцу. Левая рука была опущена вниз, под сиденье.

– Садись, Шурочка, не стоя же разговаривать.

– Учти, у меня пятнадцать минут.

Женщина села, Глеб снова потянулся через нее к дверце.

– Ты плохо дверь закрыла, – проговорил он, прижимая ее тело своим и хватая ее за локоть.

– Ты что делаешь? – успела вскрикнуть Саша.

Тонкая игла вонзилась в руку, женщина дернулась. Но хватка Глеба была железной.

Через пару минут «девятка» выехала из двора. Сидевший за рулем мужчина заботливо поглядывал на спящую рядом женщину.

Глава 2. ПОХИЩЕНИЕ

Спустя час возле подъезда Небережной остановился темно-синий «форд». Эдик вошел в подъезд, не вызывая лифт, легко взбежал на третий этаж, позвонил в квартиру. Еще раз. Еще и еще. Он все нажимал кнопку звонка, пытаясь понять, что произошло. Он звонил ей по мобильнику еще по пути к дому, телефон не отвечал. Решил, что Александра просто вышла в магазин прикупить чего-нибудь вкусненького для предстоящего пикника. Прошло уже полчаса, супермаркет прямо напротив дома, она должна была вернуться. Но ее не было. В чем дело? Срочно вызвали на работу? Он вытащил трубку и набрал номер рабочего телефона. Стараясь говорить измененным голосом, попросил Небережную. Услышал, что Александры Борисовны на работе нынче не будет.

Потоптавшись на площадке, прислушавшись и убедившись, что по лестнице никто не идет, извлек из кармана связку ключей от ее квартиры, копии которых были сделаны еще две недели назад, чуть ли не в первый день их знакомства. Квартира оказалась почти не заперта. Наружная дверь просто захлопнута. Собачка французского замка легко отошла, внутренняя дверь вообще открыта настежь. Он прошел внутрь. Саши дома не было. В комнате сразу бросилась в глаза разобранная постель. Это было странно. Александра свою однокомнатную квартиру содержала в порядке. Днем постельные принадлежности убирались в шкаф, а диван складывался. Он начал обходить квартиру, всматриваясь, приняхиваясь, стараясь не пропустить ни одной мелочи.

Вот спортивный костюм, переброшенный через спинку стула. Видимо, в нем она собралась ехать на дачу. Вот ее черепаховая заколка возле зеркала. Она не выходит на улицу, не приведя в порядок пышные волосы. Или закалывает их, или собирает в прическу. Но многочисленные шпильки и заколки тоже лежали на месте, в плоской вазочке. В прихожей стояли туфли, босоножки, кроссовки. На столике возле зеркала обнаружилась сумочка. В ней – кошелек, паспорт, пудреница, губная помада, носовой платок.

В кошельке – около тысячи рублей. Куда же она делась? В чем вышла из дома? В тапочках? Тапочек, кстати, не было. К соседям, что ли, ушла? Видимо, так. Поэтому и дверь почти не заперта. К кому именно и зачем? Может, кому-нибудь плохо стало. Но ее нет дома минимум полчаса. Эдик на секунду пожалел, что не дал ей номер своего сотового. Но... береженого Бог бережет.

Он посмотрел на часы. Запас времени еще был. Эдик вышел из квартиры, спустился вниз, сел на лавочку возле подъезда, закурил, раздумывая, что предпринять. К подъезду направлялась грузная, но шустрая старушенция с наполненной продуктами авоськой в руке. Тяжело отдуваясь, опустилась рядом.

– Ох-ти тошненько, устала, – проговорила она, разглядывая его с бесцеремонностью старух.

Он вежливо улыбнулся.

– Жара-то какая стоит! Вот тебе и август. По нынешнему дню осень меряется. Сентябрь-то тоже жарким будет, – доверительно сообщила бабуля.

«Это точно», – едва не проговорил он вслух.

– А вы ждете кого?

Он мгновение помолчал, затем проговорил:

– Вот, приехал за начальницей, она у нас приболела. Так срочно на работу вызывают, а ее и дома нет. Может, в поликлинику ушла?

– Кто ж начальница твоя? – тут же перешла на «ты» старушка.

– Александра Борисовна Небережная.

– Саша? Из пятидесятой? Это ж соседка моя! – поделилась радостью старушка.

– Вот как? Может быть, вы знаете, где она?

– Так она уехала.

– Куда? – развернулся он к ней всем корпусом.

– А кто ж ее знает? На вишневой такой машине. Я со старухами во дворе сидела, там, возле площадки детской. – Она махнула рукой в глубину двора. – Там по утрам солнышко, так мы кости старые греем...

– И что? – перебил он.

– Ну и гляжу, Сашка из подъезда выскакивает, прыг – и в машину. Машина вон в том закутке стояла. Вишневая такая.

– Какая?

– Вишневая, я ж говорю.

– Марка какая?

– Я что, разбираюсь?

– И что?

– Что ты заладил-то? Села в машину.

– А кто за рулем был, не видели? Мордастый такой, чернявый?

– Что я, орел тебе? И вообще стекла затемненные, не видать ничего. Через пару минут и уехали.

– Когда это было?

– Так когда? Ну я вышла во двор, это десять... Потом к одиннадцати за молоком пошла к цистерне, вернулась домой, потом вышла еще во дворе посидела, тут Шурка и выскочила...

– Старуха беззвучно шевелила губами. – Так с час назад, в двенадцать или около того, – прикинула она, глядя на мужчину.

Тот задумчиво молчал, перебирая пальцами что-то невидимое. Поймав ее взгляд, он как будто очнулся, улыбнулся, хлопнув себя по колену:

– Если это «Жигули» пятерка, так это наша, из гаража. Видно, Михаил за ней заехал. Хорошо, что я вас встретил, а то парился бы здесь под окнами. Спасибо вам, – закончил он, поднимаясь и направляясь к «форду».

– Так вряд ли на работу-то. Какая-то она расхристанная выскочила, – вслед ему проговорила старушка.

Но мужчина как будто не слышал этих слов. «Форд» исчез в арке двора.

Саша открыла глаза. Она лежала в незнакомой комнатухе, на металлической кровати из довоенных времен. Левую руку что-то неприятно тянуло вниз. Женщина подняла ее и услышала металлический звон. Рука была прикована наручником к длинному металлическому шнуру, который крепился другой парой наручников к противоположной спинке кровати. Как собака на цепи, ошалела Александра.

Она села, огляделась. Окно забито фанерой, на столе-тумбочке кружка с горящей свечой, пара табуретов – вот и все убранство. Сквозь раскрытую дверь просматривалась крохотная прихожая. Входная дверь распахнулась, ввалился Глеб с пластиковым пакетом. Он прошел к столу, стоя спиной к женщине, начал разгружать пакет.

– Очнулась?

– Нет, мне кажется, я все это во сне вижу, – изо всех сил стараясь не потерять самообладания, произнесла Александра. – Что это за выходка безобразная? Немедленно снимите с меня эту дрянь! – Она подняла охваченную металлическим кольцом руку. – Ты слышишь? Повернись немедленно! – Саша все-таки сорвалась на крик.

Глеб развернулся, и Александра замерла: на нее смотрели совершенно безумные глаза с пляшущими зрачками.

– Заткнись, – прошипел он, не сводя с нее ненавидящего взора. – Все, кончилась твоя власть! Теперь я твой господин, слышишь? Я!!

– Ты... Ты с ума сошел, Глеб! – прошептала она. – Что ты собираешься делать?

– То же, что делал с тобой твой хмырь этой ночью.

– Это... Это же маразм какой-то. – Она все отказывалась воспринимать происходящее. –

Не можешь же ты насильно...

– Я могу! Я все могу с тобой сделать, слышишь? – закричал он и бросился на женщину.

Она извивалась, пытаясь освободиться. Но его руки, руки которые были всегда ласковыми и нежными, которые касались ее с трепетной дрожью, превратились вдруг в жесткие, безжалостные щупальца неведомого чудовища. Казалось, их было не две, а десять, двадцать и все они одновременно срывали платье, белье, больно стискивали грудь, до хруста сжимали тело, раздвигали ноги, грубо шарили в нежнейших складках.

– Я не отдам, я не отдам тебя никому, – хрипел он ей в лицо.

Саша кричала, он хохотал, впивался в ее рот, кусал мягкие губы.

...Она лежала на кровати, задыхаясь от слез. Глеб встал, неторопливо оделся.

– Подонок, мразь, ненавижу тебя! Эдик узнает, он тебя убьет!

Он подскочил к ней, встряхнул за плечи, закричал:

– Не смей говорить о нем, потаскуха! Это я убью его! Я!

Он выскочил в кухню, Саша все выкрикивала вслед отчаянные ругательства.

Глеб вернулся почти спокойным. Вытащил из пакета упаковку молока, бутылку минералки, нарезанный батон, сыр, плитку шоколада. Разложил все это на столе, повернулся к женщине:

– Ты можешь проклинать меня, можешь ненавидеть, но я тебя никому не отдам. Ты будешь находиться здесь столько, сколько я сочту нужным.

– Ты сумасшедший! Меня будут искать!

– Кто? Ты с понедельника в отпуске. Сегодня и завтра у тебя отгулы. А потом ты уедешь к маме. Так что никто тебя искать и не будет. А хахаль твой забудет тебя, недели не пройдет, вот увидишь. Это для меня ты единственная. А у него таких...

– Ты, жалкий импотент, ты думаешь, ты сможешь его заменить?! Ды ты вообще не способен удовлетворить женщину! Я из жалости с тобой...

– Замолчи! – закричал он. – Заткнись! Подожди, я тебе такое удовлетворение устрою...

Глаза его сверкали бешенством. Он опять выскочил на кухню. Саша испуганно замолчала.

«Он меня убьет», – пронеслось в ее мозгу.

Но Глеб вернулся с высоким пластмассовым ведром, накрытым стульчаком, – вариант дачного клозета.

– Вот, это твой туалет.

Потом заменил догоравшую в кружке свечу на новую.

– Все, посидишь здесь в одиночестве до завтра, одумаешься.

Едва дверь за Каменевым захлопнулась, Саша вскочила с постели, намереваясь добраться до окна. Однако длины металлического провода едва хватило, чтобы дойти до стола. Она ринулась в другую сторону, но шнур остановил ее у выхода в прихожую. Саша попыталась ногтем отомкнуть замок наручников. Смешная попытка! Обломанные ногти и новый поток слез.

Она села на постель, продолжая плакать.

То, что произошло с ней, было абсолютно невероятно, невысказано. Она все никак не могла осознать чудовищности своего положения. Она, помыкавшая мужчинами, она, которая привыкла чувствовать себя госпожой, Цирцеей, обращающей их в сладострастно хрюкающих животных, она сама оказалась в положении рабыни, посаженной на цепь. И кем? Всегда покорным, верным, преданным Глебом! Разве можно было предположить, что эта мокрица способна на такое безумство? Он спланировал все это заранее! Знал, что она уходит в отпуск (ах, да ведь она же и говорила ему об этом еще месяц назад), знал от кого-то из подчиненных, что она

уезжает («...у тебя отгулы... потом ты уедешь к маме...»), выслеживал, подсматривал. И эта ночь с Эдиком на подоконнике – видимо, это было последней каплей.

Что же делать? Свеча догорала. Комната погружалась во тьму. Александра лежала в полной тишине, не в силах более плакать, лишь изредка всхлипывая.

За окном слышались звуки проезжающих мимо поездов. Господи, да куда же он привез ее, это чудовище?

Глеб вышел на улицу. Пошатываясь, пошел прочь от особнячка, одиноко стоявшего в глубине неосвещенного пустыря. Неподалеку, в узком проулке была припаркована «девятка». Глеб добрался до машины, рухнул на сиденье, обхватил руль руками, уткнулся в них лицом.

То, что он сделал, было ужасно, но он больше не мог выносить ее подлого распутства! И без нее он тоже не мог, не мог жить без вишневых глаз, каштановых волос, мягких округлостей тела, без запаха, исходящего от ее кожи.

Как это получилось, что он, цельная, даже целомудренная личность, влюбился без памяти в женщину, менявшую мужчин как перчатки?

Да, именно так зачастую и происходит с целомудренными личностями мужского пола. Именно ветреницам и распутницам удается ввергнуть их в пучину сладкого грехопадения.

Впрочем, сексуальность Глеба Каменева формировалась не нормальным образом. Мать рано овдовела, он был ее единственной радостью, ее маленьким сыночком. Она не замечала, как сын растет, как ломается голос, пробиваются усы на верхней губе. Она совершенно не стеснялась его, не замечая, как заливается краской стыда его лицо при виде привлекательной еще женщины, выходящей, скажем, из ванной в полупрозрачном пеньюаре. Ему хотелось мужского общества, она держала его при себе. Он хотел поступать в технический вуз, она настояла на медицинском.

Он ненавидел медицину. Особый ужас вызывала у Глеба кафедра акушерства и гинекологии. Вид женщин на гинекологических креслах, с безобразно разверстыми обнаженными ногами, доводил его почти до обморока.

Полным крахом закончился и первый сексуальный опыт. Однокурсница, которой удалось-таки затаскать Каменева в постель, наткнулась на полнейшую беспомощность. Глеб был жестоко осмеян. И с тех пор предпочитал разбираться со своими желаниями самостоятельно.

Так он и жил – с мамой и с... собой.

Так было до того момента, пока в его стоматологическое кресло не опустилась молодая женщина со смеющимися вишневыми глазами. От нее исходила такая волна сексуальности, что Глеб мгновенно потерял голову. Он не успел испугаться, как они оказались в одной постели. И его беспомощность растаяла под ее умелыми ласками, ее веселым желанием сделать из него мужчину. Он не понимал, что для Александры было делом чести довести этого чумового девственника до логического завершения процесса. Ну и собственный бесплатный стоматолог – этим тоже не следовало пренебрегать! Разумеется, она успешно решила задачу. Разумеется, он растворился в ней, как аббат Прево в Манон Леско. Понимал, что не может удовлетворить ее безудержную натуру, но знал, что и другим мужчинам это не удается.

Довольствовался ролью утешителя, наперсника, друга. Он умел дожидаться ее после завершения каждого очередного романа. Все было более-менее хорошо, пока две недели назад не возник в их жизни чужак. Пока он, Глеб, не почувствовал кожей, что этот самец уведет у него его единственную женщину. Навсегда. А то, что он увидел своими глазами нынешней ночью, перевернуло его, сделало другим человеком. Да и человек ли он теперь? После того, что он сделал с нею, после того, что услышал от нее.

Он судорожно дернулся, словно опять услышал ее последние слова. Импотент? Хорошо, он ей устроит Вальпургиеву ночь!

Глеб повернул ключ зажигания и медленно тронулся в путь. Дорога отвлекала, успокаивала.

Как все– таки удачно подвернулся этот дом, клетка, где сидела пленница. Дом был построен в начале века, находился на восточной окраине города, числился на балансе какой-то усопшей в перестроечное лихолетье фабрики. В этой трехэтажной халупе, на первом этаже, в такой же крохотной квартирке, как та, где находилась Саша, десять лет прожил его приятель с женой и ребенком. Без ванной, без горячей воды. Озверевшие жильцы добились в конце концов расселения. Последним выехал приятель, имевший на память от соседей ключи от всех квартир. Глеб попросил разрешения хранить в пустующих помещениях картошку, и приятель предоставил ему полную свободу выбора. Каменев выбрал эту, на третьем этаже, где незадолго до расселения тихо скончалась одинокая примерная старушка.

Мысли Глеба снова вернулись к Александре. Ничего, он покажет ей, кто ее хозяин. Такой, как она, нужен хлыст, а не ласки. Завтра он привезет хлыст.

А сейчас домой, к маме.

Глава 3. РАСКОЛОТЫЙ МИР

Сереза Марков закрыл за собой дверь туалета, и сразу стало тихо. Все эти бесконечные звуки аэровокзалов давно уже его не раздражали. Он привык к постоянной суете и толкотне, постоянному потоку объявлений из громкоговорителей, разнообразным запахам, звукам и шумам. Как-никак он считал себя опытным стюардом (или «стюардессом», как его в шутку называли друзья). Уже четвертый год он работал в авиакомпании и налетал немало часов, чтобы не вертеть головой по сторонам, разглядывая непрерывный спектакль под названием «Жизнь аэропорта», подобно неопытным, зеленым новичкам.

Сегодня он должен был быть безупречен и элегантен. Решение подбить клинья к новенькой пришло постепенно. Он сначала присматривался к ней несколько рейсов, хотя и обратил на нее внимание почти сразу. Но сегодня будет замечательный рейс, как раз пригодный для легкого флирта. «Летим на Ларнаку, на Ларнаку, – напевал он, моя руки и причесываясь перед зеркалом, – будем греть на солнце...» Тут он даже фыркнул от смеха, подобрав рифму.

Нет, действительно повезло, у них будет еще день-два дня на Кипре. Механики сказали, что будут что-то делать с самолетом прямо там, на месте. Он не вникал, что именно там будут делать, но мысль о неожиданно подвалившей удаче его порадовала. Ну просто сам Бог велел не упускать шанс и отлично поразвлечься с Надичкой (именно так, «Надичка» через "и", была им окрещена новенькая в экипаже). Море, лето, южные ночи, маленькие греческие таверны с отличной кухней и отменным дешевым вином. «Не, ну надо быть полным дауном, чтобы не воспользоваться. Договариваться надо прямо в воздухе, а то Седой, сволочь, тоже вроде как подкатывает к бабцу. Будем действовать на опережение», – подумал Сереза, поправляя узел форменного галстука. Последний взгляд в зеркало – и пора. Из стекла на него глядел высокий, широкоплечий двадцатипятилетний парень с правильными чертами лица, вполне симпатичного, которого не портили даже несколько полные губы. Старшая Лида все время говаривала: «Вот Марков, был бы ты девкой, так за одни б такие губы мог бы пойти косметику рекламировать. А то вон у нас девушки тонкогубые какие деньги тратят на косметические операции». Ладно, хихоньки да хахоньки, а времени в обрез, пора бежать. Он еще раз посмотрелся в зеркало и остался собой вполне доволен. Сереза вышел из туалетной комнаты, открыл дверь и нырнул в плотный и нервный воздух аэровокзала.

– Уважаемые пассажиры! Продолжается регистрация билетов и оформление багажа на рейс...

– Заканчивается регистрация...

– Ladies and gentleman's...

– Damen und herren...

– Пассажира Кондрашова просят немедленно пройти к стойке регистрации сорок шесть, внимание...

Пробегая через зал, Сереза обратил внимание на то, что еще не объявлена регистрация на его рейс. Странно, хотя на табло у стойки уже и название, и номер рейса, и толпа волнующихся пассажиров – все это было в наличии. В общем, не впервой, лишь бы только не задержали надолго. Он подмигнул знакомым девочкам, сидевшим с откровенно недоуменными лицами у стойки регистрации, и скрылся из виду.

У стойки события приобретали совсем веселый оборот. Регистрацию задерживали, и уже прилично. Как оказалось, это были только цветочки. Девочки даже рты пооткрывали, когда Ирина Евгеньевна, которая сегодня была за старшую, сообщила, что сейчас им придется освободить весь первый салон и объяснять пассажирам бизнес-класса, что у них есть два варианта: пересесть в салон эконом-класса (ах, наша компания приносит вам свои извинения за причиненные неудобства, но вот накладочка вышла, еще раз просим прощения и т. д. и т. п.)

либо подождать еще четыре часа и полететь следующим рейсом. Девочки мрачно выслушали щебетание о том, что: «Вы даже не представляете, кто полетит в салоне. Сам полетит, только что звонили». Ирина Евгеньевна многозначительно подняла брови, сообщив эту новость.

Наивная Леночка, распахнув глазенки, сказала:

– Кто сам? Неужто Путин.

– Да какой там Путин, ты что – сдурела? Сомов полетит. Двадцать минут назад звонила его секретарша, сказала освободить салон для пяти человек.

– А что пассажирам говорить? – спросила Леночкина напарница Наташа.

– Придумайте что-нибудь. Вы, Наташа, не первый день работаете, проявите инициативу, выдумку.

– Так, а что все-таки по трансляции объявлять?

– Ну, девочки, не знаю. Я сейчас пойду согласовывать, а вы уж тут постарайтесь, чтоб без особого шума, – сказала Ирина и заторопилась по проходу к офису компании.

Более циничная и опытная подруга Леночки, Наташа, прошипела вслед удаляющейся спине начальницы:

– Как всегда, побежит отчитываться об успехах и победах, а мы тут с тобой, Ленка, будем говно ложками расхлебывать. Сейчас такое начнется, что только держись. Смотри, вон там парочка «быков» с цепями на шее стоит, они-то на стенку первыми и полезут.

– Ну-у, – уже менее жизнерадостно протянула Леночка, – может, еще и обойдется, ведь все люди-то.

– Да какие это люди, так – пассажиры.

В этот момент по трансляции прозвучало объявление, что пассажиров бизнес-класса просят подойти к стойке регистрации. Девочки напряглись, готовясь к виртуозному и продолжительному вранью. И тут действительно началось...

Как раз первыми, выслушав сообщение, нахмурили невысокие лбы братки. И пошел разговор на пальцах типа: «Я не понял, че за фигня, ты, коза, за кого нас держишь? Те че, жить надоело? Я, бля, за что бабки максал?» В общем, день обещал быть веселым.

Какой-то господинчик в безукоризненном светлом костюме требовал начальства и звонил куда-то по мобильному, обещая иски и судебные разбирательства. Дама в о-очень крутом прикиде от какого-нибудь кутюрье и скромном гарнитуре с бриллиантами, тянувшем эдак на двух-трехгодовую зарплату Леночки, так вот, эта дама, которая стояла до этого с видом оскорбленной невинности, неожиданно утратила невозмутимость. С визгом нормальной базарной хабалки она напустилась на девочек, суля им веселую жизнь, заодно красочно описывая их моральные и физические качества почти отборным матом. У Леночки уже начали предательски дрожать губы, Наташа хмуро и злобно отбивалась от пассажиров.

Пассажиры эконом-класса с легким злорадством наблюдали за происходящим, лениво переговариваясь между собой. Дети начинали капризничать. Люди выглядели нервными и озлобленными. Но все на свете проходит, потихоньку ситуация стала разряжаться. Кто-то согласился пересесть, кто-то подождать следующего рейса, благо был разгар туристического сезона и от авиакомпании летало по несколько рейсов в неделю. Как раз тогда, когда скандал пошел на убыль, появилась Ирина Евгеньевна. Окинув поле битвы начальственным взглядом, она промурлыкала, что, мол, так и знала, что все кончится хорошо, что с такими-то девочками оплошать невозможно, что премия – это без вопросов, несомненно, она уж лично похлопочет. Ну она же знала, кого брать на такой ответственный пост! Правда, наткнувшись на тяжелый взгляд Наташи, слегка попритихла и занялась регистрацией пассажиров. Кажется, жизнь потекла своим чередом. Рутинная. Просто рядовая ситуация. Рабочий момент.

В салоне самолета все также шло заведенным порядком. Пилоты заняли места в кабине, обслуга уже заправила самолет, даже всякий и всевозможный контроль был пройден. Пассажиры все не везли, странно. Пилоты слонялись по проходу между креслами. Седой пытался

завести непринужденный разговор со стюардессами, но как-то не клеилось. Задержка была уже больше чем на тридцать минут. Все попытки командира выяснить причину опоздания наткнулись на туманно-вежливые ответы наземной службы. Никто так и не понял, в чем причина срыва графика полета.

Правда, Сережа об этом не думал. Не до того было. Сначала поздно привезли питание, потом куда-то делся ящик с виски для продажи в полете, пока его искали, обнаружилась недостача подголовников на кресла и освежителя воздуха во втором туалете. Но все это была ерунда. Главное, что Надичка почти сразу и без ломаний согласилась посетить с ним «замечательную маленькую таверну на берегу моря, возле классной дискотеки». Так что Седому (как прозвали второго пилота) почти сразу был дан отлуп. Сережино сердце пело и радовалось. Вот по бетонке к ним покатались автобусы с пассажирами. Он посмотрел на часы и отметил, что опоздание составляет почти час. Тут в отсек из пилотской кабины вошла Лида и сказала:

– Так, мальчики-девочки, сажаем сразу второй салон, в первом сегодня особые гости, так что готовьте вазелин и быстро-быстро чистите перышки. С нами летит сам Владимир Михайлович Сомов. Всем по местам, быстренько посмотрите, вдруг где-то что-то как-то не на месте. Сережа, Надя, идите рассаживайте людей во второй салон, остальные займитесь делом!

Сережа пошел по проходу, на ходу натягивая стандартную улыбку приветливого «лица авиакомпании». Пассажиры поднимались по трапу.

Посадку произвели на удивление быстро, без обычно возникающих при этом сумятицы и нервоотрепки. Когда поток людей уже начал иссякать, Сережа краем глаза заметил, как по бетонному полю к самолету летят три черные машины. Приглядевшись, он присвистнул:

– Надичка, смотри! Вон начальство пожаловало. На «мерсе», наверное, сам катит, а на джипе сзади секьюрити едут. Вот из-за них мы тут лишний час колбасимся.

– Ой, побегу в первый салон. Сержик, ты без меня справишься?

– Давай! Смотри не увлекайся там, а то знаю я этих начальников, как начнут лапы распускать.

– Серж, ну ты прямо как дурачок какой-то. Ну все, побежала.

Машины остановились у трапа в первый салон. Распахнулись одновременно двери, из джипа высыпали сотрудники охраны. Марков впервые увидел своего начальника вблизи и не по телевизору. «Ну и что? Человек как человек, росточком пониже меня. Одет прилично, ухожен – эх, мне бы его зарплату!» – думал Сергей, продолжая машинально улыбаться и рассаживать пассажиров. У первого салона происходило какое-то совещание, Сомов отдавал последние распоряжения. Видно было, что он привык командовать и делал это машинально, прогуливаясь взад-вперед вдоль трапа, не глядя на семенящих по пятам секретарей. Потом от группы отделились несколько человек и пошли обратно к машине. Трое поднялись в салон, что-то внесли в него, затем вышли и спустились по трапу. Один остался у входа и тоном доброго учителя стал что-то внушать Игорю Максимычу – капитану. Тот мелко и часто кивал, словно школяр перед мудрым наставником. В самолет садилось пятеро. Сам, пара его сотрудников-секретарей и двое невозмутимо-спокойных охранников. Пора было готовиться к взлету.

Раньше он любил смотреть на взлет и посадку, теперь это стало не более чем началом и концом полета. Марков проследил за пристегнутыми ремнями, доложил по интеркому. Стали выруливать на взлет, пассажиры успокоились и стали глазеть в иллюминаторы либо, наоборот, старательно отводить от них глаза. Кто-то уже просил во втором салоне гигиенический пакет, там летела беременная. Стюардесса Лида, чертыхаясь, побежала по рядам. Стояли в ожидании долго. Борт опоздал, теперь пропускал очередников, дожидаясь свободного окна на взлет.

Турбины стали менять тональность, и вот лайнер побежал по полосе. Сережа сел на свое место и постарался расслабиться, впереди была работа, три часа беготни.

Взлетели гладко, высоту набирали плавно. Можно было вставать и начинать работать. Сегодня он и Лариса занимались обедом. Прошло почти полчаса, самолет вышел на заданную высоту, девочки повезли по рядам напитки. Лида и Надя скрылись в первом салоне, где им предстояло обслуживать VIP-гостей. Саша и Лариса стали молча и споро открывать ящики с обедом. Сначала надо было бы покормить экипаж, но этим уже займутся в первом салоне. Да и наверняка Сомов не с пустыми руками полетит. Саша видел, как обслуга из джипа тащила в первый салон коробку с питанием, пока сам расхаживал по бетону, отдавая последние распоряжения. Отобедает своим, скоромненьким, да и в кабину зайдет. Ходили слухи, что сам любил поиграть в демократию и «выйти в народ». Сережа с некоторым злорадством подумал, что Седому уж точно будет не до Надиньки. Под бдительным оком начальства не очень-то поклеишь стюардессу. Это его тоже порадовало, и работать он стал с удовольствием. Первая порция питания уже пошла в салон, пора было загружать в духовые шкафы вторую порцию. Лариса суетилась под руками, но его это нисколько сегодня не раздражало. С ней работать было хорошо и просто. Он знал, что Лариса в него тайно влюблена безо всякой надежды на взаимность. Оно и понятно, поскольку была она уж очень невзрачненькая, блеклая какая-то, с Надеждой не сравнить. Зато были свои плюсы в таком ее незавидном положении: безотказность и надежность. Саша это знал и часто пользовался. Если возникала нужда в подмене или нужно было чего провезти эдакого, то он без зазрения совести обращался к Ларисе и почти никогда не получал отказа. Правда, он старался делать такие вещи нечасто и, когда удавалось навариться на провозе мелкой контрабанды (ну кто же из нас не без греха?), всегда с Ларисой делился.

В таких приятных размышлениях Марков не заметил, как загрузил вторую порцию обедов, посмотрел на часы. Черт, надо поторапливаться, уже почти пятьдесят минут как взлетели. В какой-то момент ему показалось, что он услышал щелчок в печке. Затем дверца начала вздвигаться. Это происходило на грани восприятия, за какие-то доли секунды. Потом была вспышка, огромная вспышка, и больше ничего. Он умер мгновенно, ничего не поняв и не осознав. Ему, видимо, повезло больше, чем остальным, которые прожили в этом аду на несколько мгновений дольше и смогли заглянуть в глаза собственной смерти.

Сергей уже не увидел, как взрыв расколол лайнер на две части и как эти тонны стали, пластика, огня, в которое превратилось топливо, расцвели небо над Воронежем огромным огненным цветком. Разорванные взрывом человеческие тела, разметавшиеся по воздуху части саквояжей, сумок и чемоданов, вываливающиеся из них разноцветные тряпки, фотокамеры, маски, ласты и множество прочих атрибутов отдыха у моря – все это стало, крутясь и вращаясь, падать вниз, разваливаясь в воздухе еще на сотни и тысячи частей.

Турецкий впервые в жизни отдыхал в шикарном одноместном номере военного санатория, словно какой-нибудь генерал от инфантерии. Впрочем, почему же «словно»? Он и есть генерал-майор, если перевести чин государственного советника юстиции третьего класса в армейский эквивалент.

Первые дни Саша просто отсыпался под шум морского прибоя за окном. Жил растительной жизнью, предавался в руки докторов и докториц, медсестер и массажисток. Дня через три интенсивной терапии нервная система Турецкого вполне восстановилась, другие функции организма заметно оживились еще раньше. Эмоциональный фон никак нельзя было назвать скудным (вот ведь глупости какие изрекает порой любимая жена!), чему способствовало знакомство с весьма интересной художавой блондинкой, соседкой Саши по обеденному столу. Знакомство произошло в первый же день отдыха.

– Александр, – представился Турецкий и лучезарно улыбнулся.

– Надежда.

Голос у нее был низким, чуть хриловатым.

– У вас красивое имя, – тут же сделал стойку Александр.

– А у вас отличные зубы.

Столь неожиданный комплимент озадачил Сашу.

– Извините, – рассмеялась Надежда, – я врач-стоматолог, это у меня профессиональное.

– И каким же это образом врач-стоматолог смог украсить общество замшелых вояк?

– Наивный вопрос. Чем замшелее вояка, тем нужнее ему стоматолог, – снова рассмеялась она.

Турецкий тоже рассмеялся, но собственным мыслям. Во-первых, не актриса, уже хорошо. Во-вторых, в его жизни были женщины-врачи. И оставили о себе самые лучшие воспоминания. Стоматолог – тоже неплохо, хоть и не романтично. Но и нам не двадцать, чтобы грезить романтикой. Нам бы что-нибудь веселое, незамысловатое, легкое, как здешние замечательные вина.

Надежда оказалась именно таким вариантом. Она скрасила дни безделья, которое очень быстро начало тяготить Турецкого. Совместные солнечные ванны днем, вечерние посиделки в уютных ресторанчиках, ночные купания нагишом, наконец, ночи в его одноместном номере – все это было замечательно. Но и это приелось. Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья, с этим не поспоришь. Но есть друзья более лучшие, как иногда говаривает Грязнов, – это тот же Вячеслав и Костя. Есть товарищи по работе и сама трижды проклятая и четырежды любимая работа, есть, наконец, Ириша и Ниночка. Все это тянуло назад, в Москву.

Турецкий, приподнявшись с каменного ложа, посмотрел в прозрачные серо-голубые воды, омывающие самое красивое место в окрестностях Севастополя – мыс Фиолент, и пропел на манер чеховских героинь:

– В Москву, в Москву...

Загорелая худощавая женщина, лежавшая рядом, тоже поднялась, сдвинула на лоб темные очки, глянула на него и подпела:

– В Москву, в Москву! Скучаешь уже? А мне вот уезжать совсем не хочется. Как вспомню о долгой, холодной зиме... Брр! С удовольствием осталась бы еще на недельку. Но... завтра в это время я уже буду скучать в поезде под стук колес и вспоминать солнце, море и тебя. Давай-ка выпьем!

– Без возражений!

Саша вытянул из тенистой ложбинки между камнями бутылку вина и фляжку коньяка.

Надя достала корзинку, разложила на салфетке грозди прозрачного, тугого винограда, огромные сиреневые сливы, головку домашнего сыра, лаваш.

– За наш отдых, за солнце, за море, за тебя! – провозгласил Турецкий.

– Все в одном тосте? – рассмеялась Надежда, подставляя под светлую струю пластиковый стаканчик.

– А мы будем его повторять столько, сколько нам захочется. – Саша плеснул коньяк в свой стаканчик, они чокнулись и выпили.

– Ты весь уже там, в Москве, – заметила Надежда, поглядывая, как Турецкий в задумчивости отправил в рот ломтик сыра.

– Что есть, то есть, – подтвердил тот.

– А ну-ка скажи мне быстро, не задумываясь, по чему ты соскучился больше всего?

– По работе, – ни на секунду не задумываясь, откликнулся Александр.

– Все вы мужики такие, – вздохнула она.

– А ты по чему соскучилась?

– По детям, конечно. По Тате и Таше. Все-таки первый раз я без них отдыхаю. А они без меня.

– Ну, они у тебя большие барышни. Шесть лет – это возраст. А по мужу соскучилась?

– И по мужу, конечно, – небрежно откликнулась Надя.

– Вот, все вы бабы такие, – передразнил ее Турецкий.

Оба рассмеялись.

– Давай выпьем за тебя, – предложила женщина. – Хороший ты мужик. Настоящий. Легко с тобой.

– Это тебе со мной легко. А вот моей супруге...

– Не будем сегодня о супругах, ладно? Давай за тебя, мне будет тебя не хватать.

Надя подняла на него ставшие вдруг серьезными глаза.

– Но-но! Не грустить! Мы так не договаривались, это во-первых. Во-вторых, мы все-таки живем в одном городе...

– Брось ты, Саша! Расстанемся, забудешь. Можно и в одном городе никогда не встретиться.

Саша помолчал, затем произнес как можно мягче:

– Видишь ли, Надюша, в Москве у меня совсем другая жизнь. Работа у меня такая, она меня всего забирает, без остатка. Так что видеться нам вряд ли придется, что правда, то правда. Все мы мужики такие, ты же сама сказала. У нас первым делом самолеты. А у вас – семья. Единство и борьба противоположностей. Но я тебя не забуду. Хорошее не забывается. Я о тебе внуку расскажу, – пообещал Турецкий.

Надя не оценила шутки, задумчиво произнесла:

– И мы не все такие, и вы не все такие. Вот у нас в фирме протезист один есть, мы с ним дружим. Молодой, обходительный, состоятельный. Бабы наши вокруг него хороводы водят. А он однолюб. Влюбился в одну пациентку, как околдовала его. И добро бы женщина была порядочная. Нет, куда там. Водит его за нос. Вечно он с вопросами: «Шурочка не приходила? Шурочка не звонила?» – просто помешательство какое-то. Мы уж знакомили его с пианисткой одной, очень милая девушка, такая талантливая. Он от нее сбежал, представляешь? Прямо из филармонии удрал, с ее концерта. Ушел в туалет, мы с приятельницей его ждем, а он...

Надя вошла в раж, красочно описывая личную жизнь протезиста. Но Александр не слушал ее.

То, что неведомую ветреницу зовут так же, как называет Турецкого родная жена, навеяло вдруг острое, щемящее желание оказаться рядом с Ириной, уткнуться в пепельные волосы, безмолвно попросить прощения за собственное легкомыслие, вечную жажду новых впечатлений и приключений, каждое из которых убеждало его в том, что нет женщины лучше, чем она, его Ира, Ириша, Ирина.

– Ну ладно, чего это я, в самом деле? За тебя! – выдохлась Надежда.

Они выпили, Саша глянул на часы:

– Все, Надюха, последний заплыв – и собираемся. Скоро солнце сядет, а нам еще восхождение к шоссе совершать.

Он встал, нацепил очки, губы охватили резину трубки.

Скользя под водой, Саша любовался причудливыми подводными камнями; стайками мелких, шустрых рыбешек, снующих то там, то тут; ленивыми, бокастыми крабами, выползающими из-под камней; стройной фигурой плывущей рядом женщины. Но все это уже не волновало его.

И когда час спустя мобильник Турецкого ожил и заговорил взволнованным голосом Меркулова, Александр почти обрадовался, несмотря на то что звонок этот ничего хорошего не предвещал.

– Саша, тебе нужно завтра же быть в Москве. В связи с последними событиями.

– Какими событиями?

– Ты что, «Новости» дневные не смотрел?

– Нет. А что случилось?

– Разбился самолет, вылетевший сегодня из Шереметьева в Ларнаку. Живых нет. В списке пассажиров – президент компании «Аэрофлот».

– Сомов?

- Да. Ты где вообще находишься сейчас?
 - На шоссе.
 - Завтра утром жду тебя в своем кабинете. Билет на твое имя заказан.
 - Хорошенькая перспектива лететь после такого известия. А что, есть основания считать?...
 - Завтра поговорим, – оборвал его Меркулов. – До встречи.
 - Что случилось? – поинтересовалась Надежда.
- Саша не слышал вопроса. Он ловил машину.
- Через три часа Турецкий покинул солнечный Севастополь. Самолет компании «Аэрофлот» взял курс на Москву.

Глава 4. БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Рабочий день Глеба Каменева начался чуть позже обычного. Несколько пациентов, скопившихся у двери его кабинета, удивлялись опозданию пунктуального и аккуратного доктора. Наконец, невысокая полноватая фигура протезиста возникла в коридоре и была встречена дружным «здрассте». Глеб приветливо улыбнулся, прошел в кабинет, на ходу бросив очереди:

– Через две минуты прошу.

Он механически выполнял привычную работу, думая о женщине, запертой на окраине города в маленькой комнатухе. Представлял себе, как поедет к ней, что будет с ней делать, и она никуда от него не денется. Мысленно рисовал ее, униженную, сломленную, раскаявшуюся, полностью подвластную его желаниям, его воле. И это ощущение хозяина, властелина вызвало неведомое доселе сладострастное чувство, невероятное по силе возбуждение.

Когда очередь рассосалась, Глеб уселся за стол заполнять карточки больных. В кабинет впорхнула загорелая Надя Рожина, только что вернувшаяся из отпуска приятельница.

– Привет, Глебушка! – Она чмокнула его в щеку.

– Привет, дорогая. Шикарно выглядишь.

– Спасибо. Я тебе бутылочку хереса привезла. Это подарок, но распивать будем вместе.

Предлагаю сегодня же после работы.

– Извини, сегодня никак, – улыбнулся он. – К приятелю на день рождения иду, – на ходу соврал Глеб. – Давай завтра, о'кей?

– Ладушки. Пойдем покурим, поболтаем.

– Иди, я сейчас. Допишу вот...

Надя направилась к двери.

– Я у тебя сигаретку стрельну, – пропела она и сунулась в стоявшую на полу сумку Глеба.

– Куда? – рявкнул вдруг Каменев.

Впрочем, Надежда и так отпрянула, вытаращилась на приятеля в полном изумлении, потом хмыкнула:

– Извини, – и, едва сдерживая смех, выскочила из кабинета.

Глеб побледнел, застыл, глядя в окно. Через секунду он выскочил следом, прихватив сигареты.

Надежда стояла на черной лестнице в компании еще двух молодых врачей. Глеб подошел, безмятежно улыбаясь, заговорщически подмигнув Надежде. Послушав рассказы об отпуске, теплом море, условиях проживания, ценах, каком-то «потрясном мужике», с которым крутился легкий курортный роман, – выслушав все это и дождавшись, когда женщины докурят и отправятся восвояси, он придержал Надю за локоть:

– Ты это... Не подумай чего. Это я приятелю подарок приготовил. Для хохмы.

– Да ладно, мне-то что, – рассмеялась Надя. – Даже если и не приятелю, что уж такого?

– Я сказал – приятелю! – напрягся Каменев.

– Ну и хорошо. Веселенький подарочек. Ладно, рассказывай, как ты тут живешь-поживаешь? Как твое большое и чистое чувство? Где возлюбленная?

– Она в отпуск уехала, – ответил Глеб.

– Куда?

– Не сказала, – буркнул Глеб. – Ладно, пойдем, у меня пациент должен подойти. Новый русский. Они ждать не любят.

– Пойдем, – усмехнулась Надя. – Глебушка, когда тебе надоест безответная любовь, ты меня проинформируй, ладно? Я тебя тут же пристрою в хорошие руки.

– Спасибо, родная, – откликнулся Глеб в дверях кабинета.

Он приехал к дому на окраине во второй половине дня. Оставил машину в том же переулке, замирая, направился к дому. Честно говоря, он не очень представлял себе, как все это будет. И даже испугался, замер на минуту у самой двери квартиры. Закрыв глаза, заставил себя вспомнить все унижения, которые он претерпел от нее, оскорбительное «импотент», насмешливые слова приятельницы Нади о безответной любви...

Когда он вошел в квартиру, падавший с лестницы рассеянный свет выхватил из темноты фигуру Александры, стоявшей в проеме комнаты. Металлический шнур был натянут до предела.

На секунду его охватила жалость. Но женщина, едва увидев его, завизжала истошным, злобным голосом:

– Подонок, садист, сволочь, выпусти меня немедленно, ублюдок!

Он прошел в комнату, Саша набросилась на него, намереваясь ударить по голове запястьем в металлическом браслете наручника.

– Вот этого тебе делать не следовало! – прорычал Глеб и швырнул ее на кровать.

Выхватив из сумки веревки, он ухватил свободную руку женщины и быстрыми, ловкими движениями привязал к спинке кровати. Саша визжала, извивалась, пыталась лягнуть его – безуспешно. Тогда она приподнялась и вцепилась зубами в его запястье. Он наотмашь ударил ее по лицу. Она охнула и уронила голову на постель. На него смотрели огромные от ужаса глаза.

– Что, не нравится? – криво усмехнулся он, чувствуя, что ему-то все происходящее нравится все больше и больше. – Подожди, это только начало.

Он ударил ее еще раз, разбил губу. По подбородку стекала струйка крови.

Глеб подошел к столу, извлек из сумки бутылку коньяка, сорвал пробку, сделал большой глоток, не отрывая глаз от распростертой женщины.

– Не подходи, – едва прошептала Саша.

Но он уже стоял возле нее. Резко рванул платье, легкая ткань затрещала, большие упругие груди с крупными сосками, обнаженный живот, темные завитки волос внизу живота – все это предстало его взору. Он рвал платье, отбрасывал в стороны лоскутья, пока она не осталась совершенно обнаженной. В руке его появился кожаный ремешок, похожий на собачий поводок. Глотнув еще коньяку, он стоял перед нею, помахивая плетью.

– Скажи: ты мой хозяин, я твоя раба.

Саша молчала.

Ремень взвился и опустился на белый живот. И тут же ее крик, и багряная полоса, пересекающая нежную белую кожу, и его рев. И снова взмах, и новый удар плетью, и еще, и еще.

– Ты... мой... господин... – выкрикнула Александра.

Плеть замерла.

Он медленно разделся, сунул ей в лицо разбухший от желания член и приказал:

– Возьми его!

Она старалась. Его руки, тискавшие ее грудь, щипавшие ее тело, причиняли боль, но она очень старалась. Он замычал, вдавливая себя в разбитые губы. Саша закашлялась, вывернулась. По губе стекала густая белесая жидкость.

– Ага, вот как надо с тобой обращаться! – захохотал он.

– Дай мне полотенце, – едва вымолвила женщина.

Он принес с кухни смоченное водой полотенце, осторожно отер ее губы, пот со лба. Неожиданно Глеба пронзили щемящая жалость и нежность.

– Дурочка, я так люблю тебя, – пробормотал он, прикладывая мокрое холодное полотенце к ссадинам на животе.

– А я тебя не-на-ви-жу, – по слогам еле выговорила Саша. – Ты извращенец, садист... Тебя расстреляют, – добавила она в полном отчаянии.

Он вскочил:

– Извращенец? Прекрасно! Ненавидишь? Замечательно! Мы, садисты, любим, когда нас ненавидят. Но я, хоть и садист, забочусь о тебе! О том, чтобы удовлетворить твою ненасытную похотливую утробу. Я принес тебе подарок, моя радость!

Он склонился к сумке и вытащил огромный резиновый фаллос.

– Какова штучка, а? Надеюсь, тебе понравится!

Саша взвизгнула. Ремень, превращенный в петлю, крепко охватил ногу, обвился вокруг металлического каркаса кровати. Он навалился на женщину, ухватил свободную, отчаянно дрыгающуюся ногу, придавил ее коленом и, потрясая над нею резиновым чудовищем, захохотал:

– Ну что, начнем? Тебе будет хорошо! Я удовлетворю тебя на всю катушку!

Турецкий появился в приемной Меркулова ровно в девять утра. Преподнес Клавдии букетик игольчатых астр, за что был вознагражден обворожительной улыбкой.

– На месте? – кивнув на дверь, спросил он.

– Да, Константин Дмитриевич уже ждет вас, Александр Борисович. А уж мы-то как заждались! – понизила она голос и одарила Александра еще одной улыбкой.

Турецкий послал девушке («девушка», как известно, понятие весьма относительное) воздушный поцелуй и исчез за дверью кабинета.

– Прибыл? Хорошо. Проходи, садись, – телеграфным стилем проговорил Меркулов.

– Ну-с, что тут у вас произошло, в ваших палестинах?

– Палестины, положим, у нас общие. На ночные «Новости» успел?

– Да.

– Значит, в курсе.

– В курсе чего? Разбился самолет. Это, конечно, весьма прискорбно, но не такая уж редкая вещь в наш век техногенных катастроф.

– Это так, это так... Это правда, но не вся.

– Ну, как я понял, в катастрофе погиб гендиректор «Аэрофлота» Сомов. Это точно или утка?

– Это точно. Владимир Сомов был на борту. Это подтверждают работники Шереметьева.

– Что значит «подтверждают»? Он что, без билета летел? И вообще, хозяин «Аэрофлота» обычным рейсом на Кипр, с кучей отдыхающих? Не томи, Костя, рассказывай.

– Сейчас расскажу. Хотя все равно друга твоего поджидаем. Грязнов должен вот-вот подъехать. И Самойлович из ФСБ. Еще Левин подойдет. Пока их ждем, я дам вводную. Так вот: буквально за два дня до катастрофы сюда, в Генпрокуратуру, ко мне на прием пришла жена Сомова. Вернее, теперь уже вдова.

– И старшая дочь...

– И старшая дочь. Если помнишь, мы ее вызывали как свидетеля по делу «Анклава». С тех пор знакомы.

Турецкому – да не помнить про «Анклав»?!

Эта швейцарская фирма была учреждена еще в бытность Кирпичникова, бывшего гендиректором до Сомова. Правда, отмашку заняться «Анклавом» следственный отдел Генпрокуратуры получил гораздо позже, уже при Сомове. Это дело шло в ряде других, призванных свалить всенародно «любимого» олигарха Сосновского. В борьбе роковой пал тогда человек, похожий на генерального прокурора, а дело «Анклава» было спущено на тормозах.

– И что же ей понадобилось?

– А вот послушай диктофонную запись, чтобы мне не пересказывать.

Меркулов нажал кнопку стоявшего на столе магнитофона. С пленки слышались шорохи, вздохи, масса невнятных звуков.

– Волнуется женщина, – пояснил Меркулов.

"– Константин Дмитриевич, – послышался наконец действительно взволнованный женский голос. – Я понимаю, вы удивлены моим визитом... Не знаю, с чего начать...

– А вы начните с главного, – мягко прознес с пленки Костя.

– Спасите моего мужа! – выпалила она.

– То есть? Объясните, не понял.

– Ну... Как объяснить? – отчаянно вскрикнула женщина. – Вы ведь помните дело «Анклава»?

– Как не помнить! – Меркулов даже голос слегка повысил, отметил Александр. Что, впрочем, совершенно понятно. – Фирма зарегистрирована в девяносто шестом году в Лозанне еще при Кирпичникове. На счета «Анклава» поступала практически вся валютная выручка зарубежных представительств «Аэрофлота». Вопреки требованиям валютного законодательства.

– Да, но Владимир был ни при чем! – жарко воскликнула Сомова. – Вы же сами в этом убедились во время следствия.

– Ну да. Учредителями фирмы оказались Сосновский и один из заместителей вашего супруга, Голушко.

– Это он до девяносто восьмого года был заместителем. Владимир его убрал.

– Так что вас ко мне привело, я не понимаю? Когда мы вели следствие, из вас слова было не вытянуть. Что же теперь случилось?

– Теперь в стране другой президент.

– Я в курсе.

– Вы еще не в курсе, я думаю, что президент в личной беседе обещал Владимиру всяческое содействие в возвращении «Анклава» в состав «Аэрофлота». А у нас в стране реалии таковы, что то, что сказано в самом секретном месте в самое секретное время, тут же становится известно Сосновскому. Несмотря на то что он уже полгода в этой стране не проживает.

– Что вы говорите? И кто же нам этого Сосновского вырастил, грудью, так сказать, вскормил?

– Зачем вы так, Константин Дмитриевич? Я же к вам сама пришла. Пришла за помощью... – Голос женщины дрогнул.

– А почему вы, Елизавета Бориславовна, не обращаетесь за помощью к своему папе? – жестко спросил Меркулов.

– К папе? – Женщина на мгновение задохнулась. Молчание. Легкий металлический щелчок".

– Это она в сумочку, за платком... – пояснил Турецкому Меркулов. Тот кивнул.

"– Я папе не интересна, – звенящим голосом произнесла Сомова. – И муж мой ему не интересен. И даже мои дети, его внучки...

– Зачем вы так? – Голос Меркулова с пленки прозвучал укоризненно. – Этого не может быть...

– Это так и есть! Вся страна знает, что в нашей семье есть одна дочь! Вы... вы не понимаете... Даже на приемах, на официальных приемах, даже в присутствии высоких иностранных гостей папа всегда обращал внимание присутствующих на сестру, только на нее, хвалил только ее, хотя я находилась в том же зале. А уж о ее влиянии на отца и говорить нечего. Тоже вся страна в курсе... Но я не о ней. Это явное пренебрежение мной и моей семьей дало повод Сосновскому заявить в прессе в свое время, что муж получил пост благодаря ему. Что, дескать, с его подачи рядовой штурман занял место генерального директора.

– А это не так?

– Не так! Владимир получил должность первого заместителя гендиректора еще при Кирпичникове. Получил благодаря собственным деловым качествам, благодаря поддержке коллектива! Коллектив и сейчас его поддерживает!

– Так в чем же ваша проблема, Елизавета Бориславовна? – мягко проговорил Меркулов.

– Я же вам говорю, Сосновский никогда не смирится с утратой «Анклава»! Ведь там такие валютные потоки...

– Я в курсе.

– Короче говоря, он начал шантажировать Владимира.

– Каким образом?

– Ну... Я не знаю подробностей. Несколько дней назад Сосновский звонил мужу. Я слышала краем уха. Звонок явно междугородний, затем он поздоровался с Володей, а у него ведь очень характерный голос, было слышно, и я его узнала. Но Володя сразу ушел с трубой в кабинет. Вернулся вздернутый весь. И ничего не захотел объяснять. Он бережет меня от неприятностей. А вчера днем, когда муж был на работе, по домашнему факсу пришла копия распiski, данная Владимиром.

– Что за расписка?

– Это еще девяносто восьмой год. «Аэрофлот» тогда закупал «боинги». Владимир участвовал в выборе конкретных моделей, консультировал американцев, какие именно машины нам нужны...

– На какую сумму расписка и за что? – перебил Меркулов.

– За оказание консультативных услуг при выборе экспортируемых моделей, я же говорю. Там так и написано.

– А сумма?

– Пятьдесят тысяч, – тихо проговорила женщина.

– Разумеется, долларов?

– Естественно.

– Естественно? – усмехнулся Меркулов. – И что дальше?

– Я сделала вид, что ничего не заметила. Факс стоит в кабинете мужа, я туда почти не захожу.

– Чего вы хотите от нас, от меня в частности, Елизавета Бориславовна? – холодно спросил Меркулов.

– Константин Дмитриевич! Пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы Володя не выезжал на встречу с Сосновским! Он убьет мужа!

– Разве Владимир Михайлович собирается встречаться с господином Сосновским?

– Да. Я так думаю. Я думаю, Сосновский начал шантажировать Володю, чтобы получить откупного за «Анклав». То есть чтобы Володя так думал. Он выманит мужа из страны и уберет его.

– Что за мысли странные? Зачем же убирать господина Сомова? Если с него, как вы сами говорите, можно получить откупного?

– Ах, ну сколько Володя может заплатить? Пустяки по меркам этого чудовища. А он не упустит ни крошки, но мечтает всегда о самом большом куске. Жаден до омерзения. Вот вам пример. Пару лет назад Сосновский давал прием в честь президента Олимпийского комитета. После этого заставил службу привезти все оставшиеся закуски к нему на дачу. И принимал там тогдашнего премьера и спикера нижней палаты с женами. Угощал объедками...

– Елизавета Бориславовна, избавьте меня, ради бога..."

Турецкий прямо-таки видел, как Меркулов поморщился, и посмотрел на Костю. Тот действительно поморщился.

"– Не забывайте, что Владимир убрал из своего окружения почти всех ставленников Сосновского. Почти, но не всех! Он не всегда волен делать то, что считает нужным. На него давят. В том числе папа... Заместитель Володи по коммерческой части – человек Сосновского. Зачем же олигарху торговаться с мужем? Он уберет Володю, поставит на его место своего вассала, и «Анклав» все равно будет нести золотые яйца именно ему, Сосновскому.

– Вы так хорошо ориентируетесь в делах мужа...

– Да! Потому что я жена своего мужа! У меня нет амбиций сестры. Я оставила работу ради семьи. Мы женаты пятнадцать лет. Да, я ориентируюсь в делах мужа, хотя он меня в них почти не посвящает. Я догадываюсь о ходе событий по выражению его лица, по его обмолвкам, по тому, как он ест, смотрит телевизор...

– Однако я не вижу возможности помочь вам, – перебил ее Меркулов.

– Но почему? Дело «Анклава» не закрыто, так ведь? Вы можете вызвать его в качестве свидетеля и взять с него подписку о невыезде.

– Это слишком сложная комбинация. Дело не закрыто, это так. Но оно приостановлено. Одних, как говорится, уж нет, а те далече. Хорошо, я подумаю, как вам помочь, Елизавета Бориславовна. А сейчас простите, через десять минут меня ждет генеральный.

– Так, может быть, вы у него...

– Может быть, если момент будет благоприятным.

– Спасибо, я буду ждать вашего звонка. До свидания".

Глава 5. КРОШКА ЦАХЕС

– Ну как? – Меркулов постукивал по столу костяшками пальцев – верный признак волнения. – Надо сказать, я не придал ее словам никакого значения. Подумал, что это всплеск буйного воображения женщины, э... испытывающей, скажем так, дефицит общения. Ну в самом деле, сидит она дома, живет исключительно проблемами мужа и детей, варится в собственном соку. Тут всякое примерещиться может. И вот пожалуйста... Двух дней не прошло...

– Ты что, Костя, себя виноватым чувствуешь? – изумился Турецкий. – Ты что, всерьез связываешь авиакатастрофу с разборками между Сомовым и Сосновским?

– А что? Что уж такого невероятного? Ты полагаешь, Крошка Цахес пожалеет сотню пассажиров? Если он обул полстраны со своим народным автомобилем?! Это еще в самом начале пути, а что потом...

– Постой. Крошка Цахес – это кто?

– Ну как же, Саша! Надо знать классику. Это у Гофмана есть замечательная сказка «Крошка Цахес по прозвищу Циннобер». Не помнишь? Сюжет прост. Добрая фея Роза-бельверде, прошу не путать с младшей дочерью бывшего президента, пожалев жалкого убогого уродца, преподнесла ему чудесный дар в виде трех золотых волосков. Волоски эти превращали крошку Цахеса в глазах окружающих в могучего и блистательного министра Циннобера. И все, что было сказано или сделано талантливого в присутствии уродца, приписывалось окружающими ему. После того как волоски в темени Цахеса вырвали, все увидели, что перед ними всего лишь жалкий урод, а не вершитель судеб отечества.

– Хорошая сказка, надо будет прочитать, – рассмеялся Турецкий. – Так ты, стало быть, сам признаешь, что могучий олигарх всего лишь жалкий уродец? Что же за версия странная с катастрофой?

– Ну, во-первых, с его темени еще не все волоски вырваны. Во-вторых, жизнь все-таки не страшная сказка, а гораздо страшнее. И потом... Сейчас народ подойдет.

– Константин Дмитриевич, в приемной Вячеслав Иванович и Игорь Николаевич. И Левин.

– Пусть заходят, – дал указание Костя и взглянул на Турецкого. – Вот, сейчас все обсудим.

«Ай, Клавдия! Как она искусно маскирует свою симпатию к Олегу! А заодно и чинопочитание. Начальника МУРа и полковника ФСБ по имени и отчеству, а Олечку, между прочим, „важняка“ и к тому же (как подозревал Саша) предмет тайных вздыханий, так того – небрежно так, по фамилии. О женщины, коварство ваше имя! Однако, если Костя вызвал Самойловича, свое, так сказать, „доверенное лицо“ в Конторе, разговор будет конфиденциальным» – так думал Турецкий, поднимаясь навстречу входящим товарищам по службе и жизни.

– Здравствуйте, Константин Дмитриевич, – раздалось недружное трио мужских голосов.

– Доброе утро, товарищи. Проходите, рассаживайтесь.

– Ого, какой загар! – хмыкнул Грязнов, хлопая Сашу по плечу.

– Здравствуйте, Александр Борисович, – растянул пухлые губы в улыбке бывший когда-то стажером Турецкого «важняк» Олег Левин.

– Рад приветствовать, – суховаато поздоровался Самойлович, протягивая мягкую, пухлую руку.

– Что ж, начнем, – передвигая на столе бумаги, произнес Меркулов. – Я пригласил вас сюда в связи с авиакатастрофой, произошедшей вчера возле Воронежа. Генеральному звонил президент. И просил выяснить все обстоятельства этой катастрофы, учитывая и тот факт, что в ней погиб член семьи бывшего руководителя государства. У меня эта авиакатастрофа помимо скорби о погибших в ней людях также вызывает ряд вопросов. Сначала предлагаю заслушать

начальника МУРа. Я просил Вячеслава Ивановича Грязнова собрать все, что известно на данный момент по этой катастрофе. Слушаем, Вячеслав Иванович.

– Катастрофа произошла двадцать третьего августа, то есть вчера, в двенадцать часов двадцать две минуты по московскому времени, на борту самолета ТУ-154, рейс 2318 Москва – Ларнака. Жертвы катастрофы – девяносто шесть пассажиров и члены экипажа. Отправление рейса по графику – десять ноль шесть. Но самолет вылетел с опозданием на один час пятнадцать минут. Задержка рейса, как я выяснил, была связана с неожиданным решением гендиректора «Аэрофлота» Владимира Михайловича Сомова лететь этим рейсом на Кипр. Кстати, уже в воздухе, через десять минут после взлета, он звонил по мобильнику жене, сообщил, что улетает на день-два в Ларнаку. С ним были четверо. Двое охранников, референт и юрист. Вся эта пятерка занимала бизнес-класс. Из-за этого и задержка рейса произошла. Пришлось пристраивать пассажиров, купивших билеты на этот же рейс и тоже бизнес-классом. По данным, которые мы получили, на борту произошел взрыв.

– Взрыв? – переспросил Турецкий.

– Да, именно взрыв, – повернулся в сторону друга Грязнов. – Взрыв зафиксирован на радарх наземных служб сопровождения. Взрыв произошел в середине корпуса, самолет фактически был разломлен надвое и падал двумя крупными фрагментами. Это было хорошо видно на радарх.

– Еще раз: какая модель?

– ТУ-154, самая ходовая модель отечественной авиапромышленности, как известно. Обычный рейс на Кипр. Сейчас таких три-четыре в неделю из Шереметьева отправляется. Да еще чартерные рейсы.

– Какова схема расположения помещений на борту? – спросил Меркулов.

– Стандартная. Кабина пилотов, далее бизнес-класс, хозблок и общий салон. Взрыв произошел в месте расположения хозблока.

– А что бортовые системы? Связь с пилотом?

– Последний выход на связь с бортом был произведен в двенадцать часов четырнадцать минут. То есть за восемь минут до катастрофы. Все бортовые системы работали нормально. Мне передали по электронке распечатку разговора наземного диспетчера с пилотом. – Грязнов положил на стол лист бумаги с компьютерной распечаткой. – Прочсть?

Меркулов молча кивнул. Грязнов нацепил на нос очки, начал читать:

– "Земля. Это Земля. Борт 2318, ответьте.

Пилот. Земля. На связи борт 2318. Слушаю.

Земля. Отстае от графика. Мне по вашему коридору еще два борта сзади пускать. А вы зависли на час пятнадцать.

Пилот. Сам знаешь, кого везем. Хозяин и задержал.

Земля. Знаю, знаю. Возьмите на триста метров выше, я под вами борт на Хургаду пропущу.

Пилот. Там кто сегодня, Михалыч?

Земля. Нет, Пороховицкий. Михалыч приболел. И вообще, борт 2318, прекратите разговоры не по делу. Подходите к Воронежу. Сейчас вас Ростову передавать будем. До связи.

Пилот. Земля, вас понял. О, сейчас нас кормить будут. Лидусик хавку принесла. До связи. Привет семье".

Грязнов снял очки, посмотрел на окружающих:

– Это они еще второй самолет зацепить могли, представляете? Чудом разминулись. Было бы жертв вдвое больше.

– Что на земле нашли? Куда он упал, этот борт? Что криминалисты сообщают? – спросил Турецкий.

– Упал в двадцати километрах от Воронежа, на совхозное поле, к счастью. Если можно так выразиться. Что там? Обломки фюзеляжа, крыльев, хвостового оперения. Пожар. Фрагменты тел. На борту произошла разгерметизация. Так что все в пыль, как говорится. Из крупных предметов найдены фрагменты кабины пилотов, двигатель, шасси и духовые шкафы, в которых завтраки разогреваются. Искореженные, разумеется. Останки самолета горят. Так что там сейчас заняты тушением пожара. И еще одна напасть отечественного разлива: дорогу к месту падения самолета размыло дождями. У них там уже неделю льет, не переставая. Так что на данный момент, по моим сведениям, основная работа сосредоточена на восстановлении дороги. Пока ничего интересного. Комиссия по расследованию собирается вылетать завтра ранним утром. Раньше там и делать-то нечего.

– То есть «черный ящик» еще не найден? – Меркулов все постукивал костяшками пальцев по столу.

– Ничего пока не найдено. Обещали сразу сообщить, если появится что-нибудь интересное. Константин Дмитриевич, а нельзя ли кофейку выпить? – выпалил вдруг Грязнов.

Меркулов от неожиданности зашевелил бровями, затем дал соответствующие указания через селектор. Пять минут спустя Клавдия вкатила сервировочный столик с кофейными чашками для гостей и высоким, в старинном подстаканнике, стаканом чая для хозяина кабинета. На блюде лежали горка печенья и даже бутерброды!

«Это она для меня или для Левина колбасу настрогала?» – задумался Турецкий. Клавдия водрузила поднос на стол, развернулась к двери, кинув взгляд на Левина, и зацокала каблучками, не забывая слегка вертеть бедрами.

«Точно для Олежки! Вот так и оставляй девушек без присмотра», – огорчился было Турецкий, провожая взглядом щедрые телеса. В дверях Клавдия неожиданно обернулась и стрельнула томными глазами прямо в Александра Борисовича.

«Вот чертовка», – мысленно рассмеялся Саша.

После кофе-брейк, как называют нынче на конференциях перерывчик на чашку кофе, Меркулов задумчиво произнес:

– Значит, все-таки взрыв!

Он повернулся к Самойловичу:

– Игорь Николаевич, я вас пригласил приватно, так сказать; учитывая наши добрые отношения. Но если мы решим, что есть основания для проведения серьезного расследования, мы, разумеется, обратимся в ваше ведомство официально. А пока мне хотелось бы услышать ваши соображения о том, почему гендиректор «Аэрофлота» Сомов оказался на борту этого самолета. Вы ведь «ведете» Крошку Цахеса от вашего ведомства, вам и карты в руки.

Самойлович, это было очевидно, прекрасно понял, о ком идет речь. Может, олигарх у них под этой кличкой и проходит, усмехнулся про себя Турецкий.

– Не только я его «веду» – фигура, как вы понимаете многогранная, – но и я в том числе. Что ж, начну издалека. Наверное, что-то из того, что я сейчас изложу, известно присутствующим. Но чтобы картина была полная, начнем с начала. Не возражаете?

Присутствующие не возражали. Саша чуть улыбнулся занудливой манере разговора, присущей Самойловичу. Но вообще мужик был неплохой. Не генератор идей, но добросовестный исполнитель. Главное – честный. Из-за чего и карьера не особенно задалась. Самойлович между тем извлек из дипломата несколько пластиковых папок, скрепленных скоросшивателем. Развернул одну из них:

– Так вот. Интересы Сомова и Сосновского пересеклись впервые в момент ухода прежнего гендиректора акционерного общества «Аэрофлот», Кирпичникова, со своего поста. Сосновский мечтал видеть во главе «Аэрофлота» своего человека, одного из замов Кирпичникова – Дмитрия Голушко, соратника Крошки Цахеса еще по ЛогоВАЗу, которого он внедрил в компанию аж в девяносто пятом году. Но к моменту ухода Кирпичникова со своего поста – а это

уже девяносто седьмой год – в числе его первых замов был и зять бывшего президента. Было даже заготовлено два приказа на назначение – один на Сомова, другой на Голушко. Сосновский тогда немало сделал, чтобы пост достался его креатуре, но не удалось. Портфель гендиректора получил Сомов. То есть локальная война против Крошки была как бы выиграна Сомовым. Но не тут-то было. Первым заместителем генерального директора по финансово-экономической деятельности остался Голушко, должность зама по коммерческой части занимал Красильников, тоже креатура олигарха. То есть ключевые посты «Аэрофлота» занимали ставленники Сосновского. Это ведь и есть излюбленная тактика Крошки Цахеса: не вести войн с заводами, дворцами, пароходами, а расставлять на нужные посты нужных людей. Именно Голушко и Сосновский являются учредителями и основными акционерами компании «Анклав», о которой в данной аудитории распространяться излишне. Напомню только, что за полтора года деятельности этих господ – я имею в виду Голушко и Сосновского – зарубежные представительства «Аэрофлота» перечислили на счет «Анклава» более ста двадцати миллионов долларов, то есть восемьдесят процентов всей валютной выручки авиакомпании. В обход законодательства, без соответствующего разрешения Банка России. Только комиссионные вознаграждения участвовавшим в операции лицам составили десять миллионов долларов США.

– Эту страницу мы читали неоднократно, – не выдержал Турецкий, знакомый с делом «Анклава» не понаслышке.

– А я вас предупреждал, – поднял на него линзы очков Самойлович.

– Александру Борисовичу больно вспоминать дело «Анклава». Довести подозреваемых до скамьи подсудимых нам пока так и не дали, – попытался сгладить неловкость Меркулов и укоризненно пошевелил в сторону Турецкого густыми бровями.

– Да, я помню. Против Голушко и Сосновского в девяносто девятом Генпрокуратурой были возбуждены уголовные дела по «экономическим» статьям. Голушко удрал, до сих пор в розыске. Ну а Крошка Цахес свалил генерального прокурора. Это не наша с вами вина. Продолжаю, – невозмутимо промолвил Самойлович. – Пирог под названием «Анклав» самый большой и сытный из всех, испеченных компанией «Аэрофлот». Только Сомова к этому пирогу не подпускали. Он пытался свалить своего нового заместителя по коммерческим вопросам Нифонтова – не удалось. Получил по рукам от «папы». Тот, как известно, большой любитель людей стравливать. Но теперь другие времена, другие песни. Ныне действующий президент, как известно, государственный.

Турецкий внимательно глянул на Самойловича. Создавалось впечатление искренности.

– Так вот, президент, естественно, против того, чтобы валютная выручка крупнейшей отечественной авиакомпании оседала в руках всяких Крошек. И дал понять Сомову, что «Анклав» следует перевести в акционерную собственность авиакомпании. И что, дескать, мы вам поможем. Новость эта немедленно достигает ушей Сосновского. И тот начинает шантажировать Сомова.

– Каким образом? – спросил молчавший до сих пор Левин.

«Да не образом, батюшка...» – хотелось ответить Турецкому за Самойловича. Чтобы не лез Олег с дурацкими вопросами.

– Это немного другая история.

Самойлович неторопливо закрыл первую папку, пододвинул другую, раскрыл ее, пробежал глазами первую страницу и продолжил:

– Вернемся немного назад, к моменту, когда Сомов получил желанный пост генерального директора. Получив его, господин Сомов задумался о собственном бизнесе, как это и принято в кругу подобных чиновников. Не прошло и полгода после назначения, как подвернулся подходящий случай. Это апрель – май девяносто восьмого года. Американскую корпорацию «Боинг» преследуют неприятности. После взрыва в июле девяносто шестого года «Боинг-747», когда погибли все 230 пассажиров, находившихся на борту лайнера, федеральная авиацион-

ная администрация США затеяла массовую проверку заводов корпорации. Результаты были чудовищны. Нехватка заклепок в хвостовом оперении нескольких самолетов «Боинг-747»; кроме того, у 1200 самолетов были выявлены неполадки в элементах топливной системы. В том же девяносто восьмом году у одной из машин «боинг», а именно у модели 737-400, купленной немецкой авиакомпанией, вообще обнаружилось крыло, приваренное от другой модели. В общем, скандал! Главные конкуренты корпорации на мировом рынке, европейский концерн «Airbus Industrie», потирали руки. И в это самое время гендиректор компании «Аэрофлот», господин Сомов, заключает с американцами контракт на покупку десяти самолетов «боинг», и как раз самой «конфликтной» модели – 737-400. Члены приемочной комиссии «Аэрофлота», принимавшие самолеты в США, выявили кучу дефектов: нечеткая работа системы кондиционирования, течь масла в двигателях. Были замечания к монтажу систем управления полетом и так далее. Наши спецы даже порекомендовали американцам заменить элементы системы топливных датчиков в баках с горючим. Электропроводка американских датчиков при определенных условиях могла искрить, а последствия этого объяснять не нужно, так? Или нужно?

Самойлович обвел близорукими глазами сидящих вокруг стола людей.

– У меня впечатление, что я присутствую на лекции профессора Академии гражданской авиации, – не то чуть насмешливо, не то уважительно произнес Грязнов.

– Константин Дмитриевич просил меня подготовиться к разговору. Я подготовился, – с достоинством ответил Самойлович. – Все, что вы слышите, взято из соответствующих отчетов соответствующих подразделений. Тайны никакой государственной в этих материалах нет, все это можно и на газетных страницах тех лет отыскать, если покопаться. А то, что я скажу сейчас, – это уже данные моего подразделения. Так вот. Несмотря на выявленные неполадки и соответствующий отчет специалистов «Аэрофлота», Сомов не отказывается от закупки «боингов». Причем денег-то на закупку – а это четыреста миллионов долларов – у «Аэрофлота» не было. Сделку профинансировали американские же банки под соответствующие гарантии. Расплачиваться с кредиторами авиакомпания должна была постепенно, в течение двух лет, за счет валютной выручки. А как мы уже знаем, никакой валютной выручки у «Аэрофлота» практически не было. Она оседала в «Анклаве». Прекрасно знал об этом и господин Сомов. В итоге за самолеты заплатило государство, то есть налогоплательщики. Но это позже. А тогда, в мае девяносто восьмого, гендиректор «Аэрофлота» получил от американцев комиссионные за заключение сделки в размере двух миллионов долларов.

– Сколько? – переспросил Меркулов.

– Два миллиона. На счет господина Сомова в одном из зарубежных банков в мае – июне девяносто восьмого поступило десять транзакций на двести тысяч долларов каждая. Сомов выдал соответствующие расписки. Завершаю. Этими-то суммами и шантажирует сегодня Владимира Сомова господин Сосновский. То есть правильнее сказать – шантажировал. У него есть копии всех нужных документов. Одну из расписок Сомова, на двести тысяч американских долларов, олигарх сбросил по домашнему факсу Сомова за два дня до катастрофы.

– Кажется, звучала скромная цифра в пятьдесят тысяч? – усмехнулся Турецкий, глядя на Меркулова.

Тот молча кивнул. Самойлович продолжил:

– Отвечая на ваш вопрос, Константин Дмитриевич, почему Сомов оказался на борту рейса 2318, могу высказать предположение, что Сосновский, в свете ожидаемого перехода «Анклава» под крыло «Аэрофлота», простите за невольный каламбур, мог испытывать желание иметь в изменившейся ситуации на посту гендиректора не Сомова, а своего человека. Теоретически он мог, действуя угрозами и шантажом, заставить Сомова выехать из страны на Кипр, где, по нашим сведениям, сейчас и пребывает. Вызвать якобы для решения вопроса об откупных, например. Решение Владимир Михайлович принял, судя по всему, внезапно,

поскольку, как мы слышали от Вячеслава Ивановича, даже жене он сообщил о вылете уже в воздухе. Могу добавить, касаясь психологического портрета олигарха, что это человек-игрок. Он способен на любые поступки, включая откровенную подлость и убийство. Последнее, разумеется, чужими руками. Прекрасно разбирается в людях. Быстро определяет слабые стороны контрагента и его запросы. Прекрасно владеет собой.

– Плавали, знаем, – буркнул Турецкий.

Меркулов опять бросил укоризненный взгляд в сторону Турецкого, затем обратился к Самойловичу:

– У вас все, Игорь Николаевич?

– Я закончил, – чинно произнес Самойлович. – И если ко мне вопросов нет, вынужден вас покинуть? – Он взглянул на часы. – У нас через полчаса совещание у директора.

– Конечно, Игорь Николаевич! Благодарю вас за столь исчерпывающую информацию. Я вам позвоню ближе к вечеру.

Самойлович молча склонил голову в знак согласия, сложил все свои папочки, убрал их в дипломат, молча поднялся и исчез.

– Самойлович вызывает у меня смешанное чувство уважения и раздражения, – заявил Грязнов.

– Да, какие, однако, люди имеются в Конторе, – именно с уважением произнес Меркулов. – Ведь я ему позвонил вчера в конце рабочего дня, а он столько нарыть успел!

– Да они всю трудовую жизнь тем и занимаются, что роят, – раздраженно проговорил Грязнов, доставая сигарету. – Костя, я покурю у окошка, можно?

– Кури, а то у тебя кома начнется.

– У меня тоже начинается, – встрял Турецкий.

– Курите оба, – махнул рукой Меркулов.

Глава 6. МОЗГОВОЙ ШТУРМ

Когда перекур был закончен, мужчины вновь расселись вокруг стола Меркулова.

– Какие соображения? – спросил Костя.

– Версия номер один: заказное убийство, – выпалил Грязнов, которому тяжело далась лекция Самойловича, вынуждавшая его самого молча слушать, что для моторного Славы было хуже пистолета.

– Аргументы?

– Так Самойлович все аргументы и изложил. На борту произошел взрыв, так? Так. – Слава загнул указательный палец. – Причем произошел совершенно внезапно, что называется, среди полного штиля, без объявления войны. Выгодна Сосновскому смерть Сомова? Да. – Слава загнул второй палец. – Способен олигарх на убийство? Да! – Безымянный палец тоже припечатался к ладони.

– Подожди, Слава! – перебил друга Турецкий. – Ты все так уверенно излагаешь, будто свечку держал.

– А что тебе не нравится?

– Мне не нравятся слишком очевидные версии. Они зачастую ошибочны.

– Но самолет взорвался!

– А что, у нас самолеты просто так не взрываются? Вон если у «боингов» электропроводка в топливных баках искрит, что про нас говорить. И известные люди от катастроф не застрахованы. Тот же Артем Боровик...

– Там все не однозначно! – горячился Грязнов.

– ...Святослав Федоров, – спокойно продолжил Турецкий.

– Ну... все бывает, конечно, – сбавил пар Вячеслав.

– Вот-вот, давайте поговорим о взрывах, – перебил их Меркулов. – Я попросил Олега Борисовича подготовить подборку по авиакатастрофам, связанным с самолетами марки ТУ-154. И побеседовать со специалистами.

– Я готов доложить, Константин Дмитриевич, – живо откликнулся Левин. – Я беседовал с ведущими специалистами КБ «Туполев». И со спецами из ЦАГИ имени Жуковского. У меня данные почти за тридцать лет.

Грязнов шумно вздохнул.

– Давайте за последние десять, – распорядился Меркулов.

– Хорошо. 23 мая 1991 года: катастрофа под Ленинградом, 13 человек погибли; 20 июня 1992 года под Тбилиси разбился ТУ-154 компании «Грузинские авиалинии», погибли 99 человек; 8 февраля 1993 года в Тегеране разбился лайнер иранской авиакомпании, погибли 133 человека; 22 сентября 1993 года 154-й разбился под Сухуми. Жертвы – 106 человек.

– О-о, – простонал Грязнов.

– Давайте общее число, Олег Борисович.

– Всего за десять лет четырнадцать авиакатастроф, включая предпоследнюю, произошедшую четвертого июля этого года под Иркутском.

– То есть менее двух месяцев тому назад, – уточнил Меркулов.

– Да.

– Есть ли аварии, связанные со взрывом на борту?

– Ну, насколько мне удалось выяснить, крушение самолета зачастую сопровождается взрывом. Вопрос в том, является ли он причиной аварии. По заключению экспертов, взрыв как первопричина катастрофы с абсолютной достоверностью отмечен только двадцатого июля девяносто второго года, когда в воздухе взорвался самолет компании «Грузинские авиалинии». Причина взрыва до сих пор не установлена. Зачастую катастрофы связаны либо с ошибками

пилотирования, либо со сложными метеоусловиями и в итоге тоже с ошибками пилотов. Но предпоследняя катастрофа, произошедшая над Иркутском, была связана со взрывом на борту. Напомню, что у лайнера одновременно отказали все двигатели. Правда, до сих пор нет единого мнения о том, произошел ли взрыв до падения машины или после. И последняя, вчерашняя катастрофа, по мнению экспертов, связана со взрывом.

– Вот видишь! – почему-то произнес Грязнов в сторону Турецкого.

– Что я вижу? Что на борту рейса 2318 произошел взрыв? Если спецы так говорят, я и не спорю. Но это не факт, что взрыв запланированный, разве нет? Ну почему ты считаешь, что его «заказал» Сосновский? Ну какая ему, по большому счету, выгода? Поставить вместо Сомова какого-нибудь нового Голушко? И что? Если меняется внутренняя политика государства? Это ему нужно на самом верху человека менять. Нет, Крошка Цахес далеко не дурак. Он умеет адекватно оценивать ситуацию. Я ведь о нем тоже не понаслышке... Думаю, он вполне удовлетворился бы хорошими откупными. Кстати, вместе с Сомовым летели юрист и референт, так ведь? Значит, готовились какие-то документы.

– Естественно, готовились. А то Сосна стал бы сообщать Сомову: вылетай, браток, а я тебя в воздухе взорву, – съязвил Слава.

– Этого он делать, разумеется, не стал бы. Но ведь Сомов решил лететь на встречу с Сосновским внезапно! За несколько минут до отправления. Откуда же олигарх знал, что Сомов полетит именно этим рейсом? Если следовать твоей, Слава, логике? Ну как он мог успеть дать отмашку минировать именно тот лайнер, который нужно?

– Может, самого Сомова и заминировали в последний момент, – буркнул Грязнов. – А что? Кто его досматривать будет? А вассалов у Сосны в «Аэрофлоте» предостаточно. Могут обеспечить карт-бланш исполнителю. Может, даже кто-нибудь из подчиненных прилепил к чемоданчику шефа пластиковую бомбу, условно говоря. Ну не к нему, так к его референту, скажем.

– Взрыв произошел не в том месте, – произнес вдруг Олег Левин.

Присутствующие воззрились на него.

– Если бы «заминирован» был Сомов или кто-то из его свиты, взрыв произошел бы в носовой части самолета, там, где расположен салон бизнес-класса. А он произошел в средней части. Самолет развалился надвое. Вы же сами, Вячеслав Иванович, об этом говорили.

– Ну, Сомов мог в этот момент быть в любом месте самолета, – неуверенно пробасил Грязнов.

– А что у нас в средней части? Хозблок? Что в него входит? – спросил Олега Турецкий.

– Там расположены духовые шкафы для разогревания пищи на борту.

– Может, ему интересно было посмотреть, как стюардессы работают. Кто его остановит? – опять начал горячиться Грязнов.

– Слава, ты представляешь себе владельца крупной гостиницы, которому интересно посмотреть, как горничная пылесосит номера? Я сам только что с самолета...

– Как отдыхалось? – огрызнулся вдруг Грязнов.

– Ты что, Слава? Что за тон?

– Извини, – буркнул друг, товарищ и почти что брат.

– Ну хватит, – хлопнул ладонью Меркулов. – Что это с тобой сегодня, Вячеслав?

– А-а! – махнул рукой Вячеслав. – Приступ классовой ненависти человека, пять лет не бывавшего в отпуске. Я его уже почти преодолел.

И Грязнов улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. Меркулов укоризненно покачал головой:

– Вот что. Отправляйтесь-ка вы да покумекайте вдаль от казенных стен. Ясно то, что ничего не ясно. Версия предумышленного взрыва не отменяется. Так же как и версия взрыва случайного. Причастность Сосновского к гибели Сомова тоже под большим вопросом.

– Вот это-то и обидно! – вскричал Вячеслав. – Размотать бы эту историю, взять Крошку Цахеса за... сами знаете за что, крутануть хорошенько да впаять сто пятую статью, часть вторая, пункты по всем буквам алфавита. С пожизненным лишением свободы.

– Это все, Слава, девичьи грезы, – невесело усмехнулся Турецкий.

– Убийство еще доказать нужно, – устало произнес Меркулов. – Вот отправляйтесь и думайте. Я буду ждать очередных сообщений от Самойловича. Если вас осенит какая-нибудь интересная, а главное, продуктивная идея, буду рад услышать.

...Выйдя из здания на Большой Дмитровке, друзья топтались у служебного «мерседеса» Грязнова.

Обсуждались варианты предстоящей беседы. Турецкий предлагал посидеть в «Узбекистане», где их всегда ждали и даже держали для друзей отдельный кабинетик.

– Я угощаю. А то меня муки совести преследуют перед лицом товарища, не отдохавшего аж целых пять лет, – с усмешкой добавил Александр.

– Ладно, я уже, кажется, покаяться. А что касаясь мук совести, так мы с тобой оба должны их испытывать по другому поводу.

– Ну-ка? Что-то не припоминаю совместно обещанной невинной девицы.

– Я про Моисеева. Мне уже племянник все уши прожужжал: ждет, мол, вас с дядей Сашей старик. А вы его забыли совсем.

– Мы, конечно, не забыли...

– Для него отсутствие общения равносильно забвению. Так что предлагаю совершить благонравный поступок и съездить к Семенычу. Нам зачтется.

– А задание старшего по званию?

– А-а, что мы сейчас можем? – махнул рукой Грязнов. – Нужно на пару часов переключиться. Глядишь, мозги лучше зашевелиятся.

– Ладно, принято.

Заехав по пути за продуктами и бутылочкой отменного коньяка, друзья ввалились в дом Моисеева.

– Боже ж мой, какие люди! – хлопал себя по бокам Семен Семенович. – А что это у вас, Слава, за горлышко из пакета торчит? Надеюсь, это не кефир?

– Это коньяк, Семен Семенович.

– Что вы говорите! Будем коньяк пьянствовать? – всплеснул тот руками. – Что же привело столь занятых государственными делами мужчин в дом одинокого, всеми забытого старика?

– Соскучились, – в один голос ответили друзья.

– Что ж, я почти поверил. Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад. Прошу. – Он засеменил вперед, припадая на ногу.

Разместиться решили на кухне. Слава извлек из пакета нарезки рыбы и колбасы, банки шпрот и маслин. Саша выгружал помидоры, болгарские перцы, зелень, лимоны. Водрузил на стол торт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.